

**А.В. Борисова
Н.С. Велитченко
Ю.Б. Смирнова**

**Государство,
церковь, общество
в России в XVIII – XIX вв.**

Министерство образования Российской Федерации
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

А.В. Борисова
Н.С. Велитченко
Ю.Б. Смирнова

Государство, церковь, общество в России в XVIII – XIX вв.

Учебное пособие

Ярославль 2002

ББК ТЗ(2)я73
Б82

Рецензенты: кафедра отечественной истории
Ярославского государственного технического университета;
кандидат исторических наук Н.Е. Герасимова.

Борисова А.В., Велитченко Н.С., Смирнова Ю.Б.

Б82 Государство, церковь, общество в России в XVIII – XIX вв.:
Учеб. пособие; Яросл. гос. ун-т. – Ярославль, 2002. – 96 с.
ISBN 5-8397-0236-6

Учебное пособие посвящено истории взаимоотношений между государством и церковью в России в XVIII – XIX вв. Период складывания и развития имперских тенденций в политике государства наложил отпечаток на религиозную деятельность правительства. Рассматривается политика верховной светской власти по отношению к Русской Православной церкви, старообрядчеству и сектантству. Отмечается, что государство и руководство Русской Православной церкви выступали как единая сила в борьбе с иными верованиями. Рассмотрена эволюция ведущих толков в старообрядчестве, деятельность таких сект, как скопцы, хлысты и молокане.

Предназначено для студентов исторического факультета, обучающихся по специальностям “История” и “Музеология”.

ББК ТЗ(2)я73
Б82

ISBN 5-8397-0236-6

© Ярославский
государственный
университет, 2002
© А.В. Борисова,
Н.С. Велитченко,
Ю.Б. Смирнова, 2002

Введение

Становление и развитие Российского государства неразрывно связано с более чем тысячелетней историей Русской Православной церкви. Взаимоотношения государства и церкви пронизывали собой все основные сферы жизни страны: экономику и общественные отношения, идеологию, политику, культуру. На протяжении столетий государственно-церковные отношения развивались неровно, противоречиво, переживали периоды гармонии и противостояния, а во времена глубоких революционных потрясений доходили до прямого разрыва и отделения церкви от государства.

XVIII – XIX вв. – особенно сложный период в отношениях церкви и государства. Политика Петра I, приведшая к упразднению патриаршества, и секуляризация церковных земель, осуществленная Екатериной II, серьезно обострили государственно-церковные отношения в XVIII в. Однако XIX в. стал временем сближения позиций духовных и светских властей практически по всем основным вопросам внутренней жизни государства, церкви и общества.

Одна из целей данного учебного пособия заключается в том, чтобы показать студентам основные этапы эволюции государственной политики по отношению к Русской Православной церкви, переход от обозначившейся конфронтации к союзническим, партнерским государственно-церковным отношениям.

С середины XVIII в., со времени реформ патриарха Никона, Русская Православная церковь существовала в условиях раскола. Старообрядчество, ставшее на рубеже XVII – XVIII вв. мощной оппозицией официальной церкви и не принявшее петровские реформы, превратилось в общего врага государства и церкви. На протя-

жении XVIII – XIX вв., за исключением периода реформ Александра II, церковь и государство действовали совместно против старообрядчества, используя весь арсенал средств – от миссионерской деятельности до прямого применения силы против инаковерующих. XVIII – первая половина XIX в. стали временем широкого распространения различного рода сект, также жестко оппозиционных официальной православной церкви. В силу этого еще одна важная цель данного учебного пособия заключается в том, чтобы представить студентам основные вехи развития старообрядчества в XVIII – XIX вв. и эволюцию государственной и церковной политики по отношению к ним.

В целом пособие призвано сформировать у студентов базовое представление об основных особенностях развития Русской Православной церкви и церковной политики русских императоров от Петра I до Александра III.

ГЛАВА 1

Государственно-церковные отношения в XVIII – XIX вв.

XVIII в. – время глубоких изменений во всех сферах жизни государства и общества: социально-экономической, идейно-политической, культурно-бытовой, в области науки и просвещения. Этими изменениями были затронуты и государственно-церковные отношения, исторически имевшие в России особо важное значение.

Обоснование права носителя верховной светской власти на престол идеей о богоизбранности перестало отвечать требованиям времени и утверждавшегося абсолютизма. К началу XVIII в. для России, как и для стран Европы, заканчивалась эпоха средневекового мироощущения. Высшей целью становилось не царство небесное, а улучшение земного благоденствия, так называемое «общее благо». Эта идея достаточно явственно начинает просматриваться в эпоху правления Петра I.

Особое внимание Петра I к вопросам церковной политики государства было связано с целым рядом обстоятельств. Важнейшим из них была исключительная роль, которую играла Русская Православная церковь в государственной и общественной жизни России.

Ужесточение государственной политики по отношению к церкви было напрямую связано также с обострением идейного противостояния. Император был крайне недоволен тем, что высшие круги духовенства зачастую воспринимали и поддерживали реакционные настроения, оппозиционные его курсу. Идеи Никона о двух «мечах», светском и духовном, о примате церкви по отношению к светской власти, были живы и подтверждали возможность новой конфронтации. В целях укрепления нового государственного устройства необходимо было не только ликвидировать консервативно-оппозиционные настроения духовенства, но и превратить церковь в составную часть правительственно-административной системы, сделать ее опорой абсолютистского государства.

Петр I стремился решить две практические задачи в отношениях с церковью: проблему церковного управления и проблему церковных имуществ. Необходимо было лишить церковь экономической само-

стоятельности, поставить ее богатства на службу государству и избавить ее от политических претензий.

К моменту кончины патриарха Адриана (1700 г.) у Петра I созрели идеи установления нового типа церковного управления, а именно: ликвидация патриаршества как формы единоличного управления церковью и учреждение коллегиальной формы управления ею. Петру I импонировала церковная политика протестантских стран Европы, согласно которой церковь, находящаяся на территории данного государства, в высшем управлении зависит от светского главы данного государства. В протестантских странах для управления церковью существовали, наряду с другими бюрократическими аппаратами, коллегии. Известно, что среди проектов коллегий, составленных по заказу Петра I, был проект Фрэнсиса Ли о коллегии “для пропаганды христианской религии”.

16 декабря 1700 г. вышел указ о назначении митрополита Рязанского Стефана Яворского «экзархом блюстителем и администратором» патриаршего престола. Этот указ де-факто упразднил патриаршество в России и открыл новый период в истории русской церкви.

Под руководством Петра I началась разработка документа, который был призван обосновать и юридически закрепить фактическое упразднение патриаршества. Эта работа была осуществлена Феофаном Прокоповичем, ученым монахом, профессором Киевской духовной академии, главой знаменитой петровской “ученой дружины”. Феофан Прокопович был убежден в том, что верховная власть в государстве может принадлежать только светскому властелину; церковь не может быть государством в государстве, а духовенство – особым сословием. По мнению Ф. Прокоповича, только крепкая самодержавная власть являлась надежной защитой от мятежей, двоевластие же порождало раздоры и смуты в государстве. Разработка проекта документа, получившего название “Духовный регламент”, была закончена к февралю 1720 г. По мысли Петра, следовало добиться согласия на принятие этого документа высших церковных иерархов. Поэтому окончательное принятие документа относится к 1721 г. После того как рукопись была исправлена Петром I, в феврале 1721 г. «Регламент» был зачитан в Сенате и подписан царем. 14 февраля 1721 г. была учреждена Духовная коллегия.

Отныне «Духовный регламент» приобретал характер закона и становился руководством для деятельности Синода. Вслед за рассу-

дениями о преимуществах «соборного духовного правления» перед властью «единого пастыря», говорилось об том, что власть подобного «пастыря» чревата опасностью для самодержавного монарха, как это не раз уже бывало в истории.

Согласно царскому манифесту в состав Синода первоначально входили в равном количестве архиереи, архимандриты, игумены и протопопы – всего 12 человек. Во главе Синода, как и во главе любой другой коллегии, стоял Президент. Первым Президентом Синода стал Стефан Яворский. Должности двух вице-президентов в первом составе Духовной коллегии заняли Феофан Прокопович и Феоdosий Яновский. Все члены Синода утверждались царем и приносили присягу на верность государю, что, по мнению подавляющего числа исследователей, фактически приравнивало членов Синода к государственным чиновникам.

На протяжении всего XVIII в. остро стоял вопрос о церковных имениях, которые казна стремилась использовать в нуждах государства. Количество крестьян, принадлежавших монастырям, архиерейским домам, церквам на начало XVIII в., неизвестно. Приблизительные расчеты дают сведения о 715 тыс. душ мужского пола¹. В декабре 1700 г. Дворцовый приказ был упразднен, а в январе 1701 г. восстановлен Монастырский приказ, в обязанности которого входила регистрация крестьянских дворов на церковных землях, а также доходной недвижимости. Взыскание налогов было поручено офицерам. Ряд вотчин был приписан к мануфактурам и заводам или конфискован в казну. Увеличились и были введены новые налоги с церковных имений. Результатами таких мер стали упадок имений, снижение их доходности и бегство крестьян. После учреждения Синода была создана Камер-контора синодального правления, которой поручалось взимать государственные подати.

Особое внимание Петра I привлекали монастыри. Они являлись собственниками огромного богатства – земли и крестьян, кроме того, упадок нравственности среди монахов давно стал серьезной проблемой. В указе 30 декабря 1701 г. все монашествующие переводились на определенное содержание. Быт монахов был охарактеризован в резких тонах: «...нынешние монахи не только не питают нищих от

---

¹ Булыгин И.А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в. М., 1977. С. 56.

трудов своих, но сами чужие труды поедают. Начальники впали в роскошь, а подначальных держат в нужде; из-за вотчин происходят ссоры, убийства и обиды многие»².

В эпоху Петра I изменилось и положение приходского духовенства. Начался процесс превращения его в духовное сословие. Этот процесс происходил в русле реорганизации общества на основе сословий или состояний.

При замещении духовных должностей поначалу оставалась в силе традиция выборности и наследования, даже когда от кандидатов стали требовать свидетельства об окончании духовного училища, семинарии или Славяно-греко-латинской академии. С начала XVIII в. епархиальное начальство стремилось отнять у приходской общины право выбора. Еще до учреждения Синода указом 1711 г. Петр I повелел изучить вопрос о замещении должностей в приходах, чтобы уменьшить число клириков и церковнослужителей. Ряд указов ограничил круг кандидатов лицами, прошедшими полный курс в духовном учебном заведении. В то же время среди иерархии сформировалось убеждение, что приходские выборы – явление незаконное и вредное для церкви.

Целым рядом указов Петр ограничил возможности личного выбора профессии и сделал принадлежность к тому или иному сословию наследственной. В наследственном порядке замещения вакансий были заинтересованы и духовенство, и епархиальные власти. До 30-х гг. духовных училищ было недостаточно, чтобы обучать всех сыновей духовных лиц. Кроме того, родители часто стремились сами избавить детей от школы, поэтому вначале связь между наследованием должности и наличием образования существовала не повсеместно, но позже она стала обязательной. Таким образом, как вступить в духовное звание, так и покинуть его стало сложнее. Это было шагом на пути формирования замкнутого духовного сословия.

До XVIII в. все духовенство имело особое правовое положение: оно подлежало исключительно духовному управлению и юрисдикции и привлекалось к государственному суду только при некоторых уголовных преступлениях. Законодательство Петра I не могло не затронуть названных привилегий. Мероприятия по сокращению численно-

---

² Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). Собр. 1. Т. 4. № 1834.

го состава духовенства, усилению сословной замкнутости и наследственного порядка замещения церковноприходских должностей привели к радикальному ограничению привилегий.

Ввиду общего роста налогового бремени в начале XVIII в. с приходского духовенства взимались «мелочные всякие сборы» – мельничный, пчелиный, банный, пожарный, с рыбных ловель и т.д. Духовенство обязано было участвовать в караульной службе у городских шлагбаумов. Наряду с общими рекрутскими наборами сыновья духовенства привлекались также к исполнению специальных повинностей: в 1711 и 1718 гг. – в качестве плотников при строительстве Адмиралтейства, в 20-е гг. – рабочими на олонецкие фабрики. В некоторых епархиях духовенству приходилось платить и налоги на постройку каналов.

Указ 1720 г. о введении подушной подати распространялся также на белое духовенство, за исключением священнослужителей, которые попадали в особый список. По указу 1722 г. свободными от уплаты налогов объявлялись все действующие священнослужители и члены их семей; церковнослужители, не являвшиеся сыновьями таких священнослужителей, обязаны были платить подушную подать. В 1723 г. в связи с установленными Синодом штатами приходского духовенства от подушного налога были освобождены заштатные священнослужители, но не их сыновья. Несмотря на данные указы, правовое положение духовенства оставалось нестабильным, поскольку продолжавшиеся военные наборы меняли состав духовного сословия.

Со времени Петра I начало все сильнее проявляться стремление государства ограничить церковную юрисдикцию. Начиная с 1700 г. стали появляться царские указы, все более ограничивавшие полномочия церковного суда. В 1701 г. был восстановлен Монастырский приказ, который занимался тяжбами между церковными людьми и мирянами. С учреждением коллегий существование Монастырского приказа стало излишним, и в 1720 г. он был упразднен. Духовенство оставалось под юрисдикцией местных органов Юстиц-коллегии.

Затем царь восстановил церковную юрисдикцию по отношению к духовенству, оставив в ведении светского суда лишь политические преступления. Тем не менее в Синод постоянно поступали жалобы на вмешательство государственных органов в деятельность духовных судов.

Постепенно духовенство становилось частью государственно-полицейского аппарата, проникавшего во все сферы жизни общества. Так, оно должно было присягать императору. На духовенство возлагались следующие функции: надзор за странствующими монахами и безместными священниками, участие в регистрации населения при ревизиях, надзор за повивальными бабками и ведение списков матерей, умерших при родах. Вмешательство государства зашло так далеко, что священников под угрозой наказания заставили нарушать тайну исповеди, если исповедовавшийся вынашивал «измену или бунт на государя, или на государство». Священники, не доносившие властям о выражениях недовольства, считались соучастниками преступления.

В.С. Соловьев писал, что реформы Петра имели следствием создание «общечеловеческой христианской культуры» в России³. Петр стремился к тому, чтобы приобщить Россию к европейской христианской культуре. При этом он был убежден в необходимости сохранить православную веру и господство православной церкви. Тем не менее преобразования Петра принципиально изменили взаимоотношения между государством и церковью.

Святейший Синод при Петре I в 1721 – 1725 гг. ведал делами не только православного, но и других христианских вероисповеданий и даже нехристианских религиозных общин. Святейший Синод был задуман как коллегия, управляющая религиозными делами всех подданных в равной мере. Создавалось впечатление, что Петр объявил себя «главой церкви». Вопрос о принадлежности монарха к православной церкви стал политической проблемой. Впоследствии государь делал попытки всячески подчеркнуть свою принадлежность к православной вере и православной церкви.

О принадлежности самодержца российского к православной церкви высказалась Екатерина I в своем завещании 1727 г.: «Никто никогда российским престолом владеть не может, который не греческого закона»⁴.

После смерти Петра I органы управления Святейшего Синода были отчасти ликвидированы, отчасти преобразованы. Согласно именному указу Екатерины I Синод был освобожден от «бремени хозяйст-

---

³ Смолич И.К. История русской церкви. 1700 – 1917 гг. Ч. 2. М., 1997. С. 69.

⁴ Там же. С. 114.

венных забот». Синодальное управление делилось на два «апартамента»: первый состоял из архиереев и управлял духовными делами, второй – из светских чиновников и занимался судом и «смотрением сборов и экономии». Второй отдел вскоре стал просто Коллегией экономии, которая в 1727 г. была подчинена Сенату. Причиной реформы была растущая недоимка по казенным сборам. За период 1724 – 1732 гг. за Синодом накопилось недоимок 844 817 руб. 92 коп. В 1726 г. Синод был подчинен Верховному Тайному совету как высшему государственному органу. Через несколько месяцев Святейший Синод был лишен званий «Правительствующего» и «Святейшего» и стал именоваться Духовным Синодом.

С приходом к власти Анны Иоанновны зависимость Синода стала еще больше: он был подчинен одновременно и Кабинету министров, и Сенату, и Коллегии экономии. В этот период была создана особая Доимочная канцелярия, которой поручалось взыскивать недоимки со всех имений, как светских, так и церковных. Результатом ее деятельности стало полное разорение церковных имений. В 1742 г. новгородский архиепископ Амвросий Юшкевич и Ростовский митрополит Арсений Мацеевич подали императрице Елизавете записку, в которой жаловались на «нашу святейшую экономию»... которая, «презря закон христианский, до утварей церковных добралась... ниже у турка столько Церковь наша страждет, сколько у нас в России».

В царствование Анны Иоанновны продолжилось подчинение духовной власти светской. В указах императрицы нашла отражение идея о том, что главной обязанностью церкви является насаждение в народе верноподданнических чувств по отношению к государыне и к царской власти как таковой. Были установлены особые, так называемые табельные или царские дни. В эти дни служились торжественные службы в честь здравствующей императрицы, а также царские панихиды в поминовенные дни, связанные с именами членов императорской фамилии. За соблюдением этих дней власти следили строже, чем за соблюдением церковного праздничного культа. За упущение и небрежность, допущенные в эти дни, священники подвергались жестоким гонениям.

Указы Анны Иоанновны были направлены также на то, чтобы ограничить или даже сократить численность духовенства. Не имеющих приходов священников брали на военную службу, разрешали приписываться в посады, определяться на службу в канцелярию, способных

детей безместного духовенства отдавали в гарнизонные школы или в подьячие. По данным Н.М. Никольского, в общей сложности численность духовенства была сокращена на 15 тысяч человек.

Благоприятные изменения произошли только после переворота 1741 г., когда на престол взошла Елизавета. И хотя в целом церковная политика продолжала петровскую, проекты контрреформ были отвергнуты. Однако личное отношение императрицы к духовенству отличалось почтительностью.

С восшествием на престол Елизаветы I политика по отношению к приходскому духовенству становится более мягкой. С 1744 г. приходские должности должны были замещаться исключительно представителями духовного звания, а их сыновья, которые призывались на государственную службу, не выбывали из духовного сословия и не утрачивали права претендовать на должность священника; они оставались свободны также от подушной подати. Сыновьям же церковнослужителей было запрещено занимать должности священнослужителей даже по окончании семинарии.

В 1742 г. Синод добился согласия императрицы на освобождение духовенства от гражданских и полицейских обязанностей. Указ 1746 г. освобождал духовенство от военных постоев. После ряда лет унижений в царствование Анны Иоанновны Синод добился издания указа с повелением государственным властям следить за тем, чтобы «духовным персонам никаких обид и притеснения отнюдь чинено не было»⁵. Самым значительным богословско-просветительским событием этого времени было новое издание в 1751 г. полной славянской Библии.

Серьезные трения между светской и церковной властью возникали по вопросу о судьбе земельного имущества и крестьян, принадлежавших монастырям и церковным организациям.

В 1744 г. была упразднена Коллегия экономии, а церковные имения переданы под управление Святейшего Синода. При нем учреждалась Канцелярия синодального экономического правления. В 1748 г. правительство занялось подготовкой полной секуляризации церковных имений. К тому времени за церковью числилось 906 305 душ крестьян мужского пола⁶, а церковные имения давали дохода деньга-

---

⁵ Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 137.

⁶ Семевский В.И. Крестьяне в царствование Екатерины II. СПб., 1901. Т. 2. С. 195.

ми 293 848 рублей и хлебом 285 773 четвертей⁷. Большая часть монастырей, обладавших вотчинами, принадлежала к разряду крупных земле- и душевладельцев. Доходы и владения церкви были для светской власти желанным источником пополнения государственной казны. Первоначально право церкви на собственность не подвергалось сомнению, речь шла только о государственном управлении церковными имениями. Однако во второй половине XVIII в. обсуждение проблемы церковного имущества перешло в плоскость возможной его секуляризации.

Одновременно происходит усиление контроля светской власти за деятельностью церкви. Раз и навсегда восстанавливается должность обер-прокурора Синода; на этот пост вступает честный, опытный и талантливый администратор князь А. Шаховской. Он активно боролся со злоупотреблениями и моральными проступками духовенства, за повышение уровня школьного образования приходского духовенства и церковнослужителей, за издание религиозных книг для народа.

При Петре III контроль за имениями стал настойчивее. Указ от 21 марта 1762 г. о секуляризации, т.е. лишении духовенства права распоряжаться вотчинами, был составлен прогрессивным деятелем середины XVIII в. Д.В. Волковым. Указ относительно радикально разрешал сложный вопрос о церковных и монастырских имениях. Ими должна была ведать вновь образованная Коллегия экономии. Крестьяне переводились на денежный оброк, а земли поступали в их собственность. Духовные инстанции освобождались от управления имениями, которое переходило к государственным чиновникам из числа обер-офицеров и штаб-офицеров. Монастыри были разделены на классы и определены в оклады. Указы Петра III означали полную секуляризацию, которая окончательно осуществилась в период правления Екатерины II.

Екатерина II поставила перед собой задачу окончательно подчинить церковь государству и сделала принцип «уважать религию, но не допускать ее в дела государственные» основой своей политики.

Новую императрицу давно беспокоила теория о двух самостоятельных властях – церковной и светской. Однако на первых порах, не слишком уверенно чувствуя себя на престоле, Екатерина демонстри-

---

⁷ Завьялов А. Вопрос о церковных имениях при Екатерине II. СПб., 1900. С. 347-348.

рвала свое лояльное отношение к церкви. Даже свое восшествие на престол она объясняла тем, что взошла на трон ради защиты православной веры. Идея спасения церкви от политики Петра III особо акцентировалась в Манифесте по случаю коронации. Екатерина заявила о необдуманности указа Петра III, и 12 августа 1762 г. “на время” возвратила церкви ее имения, оставив, впрочем, в руках государства управление ими. Однако это было не более чем политическим маневром.

Массовые волнения архиерейских, монастырских и церковных крестьян 1762 – 1763 гг., в которых приняло участие более 8,5 тыс. крестьян, не давших подписку о послушании монастырским властям, стали поводом к тому, чтобы вновь вернуться к вопросу о секуляризации в гораздо более благоприятных для Екатерины II политических условиях.

Манифестом 26 февраля 1764 г. Екатерина II осуществила окончательную секуляризацию церковного имущества. Управление церковными вотчинами переходило к государственной Коллегии экономии. В Манифесте оговаривалось, что доходы с церковных имуществ будут обращены только на богоугодные дела, а именно призрение отставных военных инвалидов, пенсии и пособия на случай смерти офицерам, вдовам и сиротам, на строгое штатное содержание служителей церкви. Оставшиеся же суммы будут отправлены в доход казны вообще. По подсчетам Н.М. Никольского, от этой акции государство получало около 1,5 млн. рублей ежегодного дохода тогдашними деньгами, при этом более половины этой суммы поступало непосредственно в распоряжение государства. Бывшие монастырские крестьяне (910 866 ревизских душ) перешли в собственность государства, управлялись Коллегией экономии и получили название «экономических крестьян», которые платили постоянно возрастающий оброк в пользу государства.

К концу XVIII в. доходы государства от секуляризованных имений составляли почти 3 млн. рублей.

Результаты реформы были далеко не одинаковы для различных слоев духовенства.

Епархии и монастыри по указу 1764 г. делились на три класса, соответственно классу определялись и суммы, выделяемые государством на их содержание. Наибольшие субсидии получали епархии и монастыри первого класса. Ущерб крупных монастырей почти восполнялся получаемым ими штатным содержанием. Монастыри

третьего класса получали крайне недостаточное содержание. В целом, штатное содержание получили не все монастыри, а лишь менее половины. Не получившие содержания монастыри либо переходили на положение приходских церквей, либо вовсе закрывались.

При этом следует подчеркнуть, что право церкви приобретать собственность и обладать ею вообще никогда не оспаривалось. Государство признавало это право, исключая только возможность владения обширными населенными землями. Согласно реформе 1764 г. у церкви отнимались населенные земли и оставлялись лишь ненаселенные земельные участки, права на рыбные ловли. Члены Синода и духовенство были приравнены к государственным чиновникам, и огосударствление церкви, начатое Петром I, получило окончательное завершение.

Таким образом, Указ от 26 февраля 1764 г. вместе с переводом церковных учреждений на штаты положил конец спору между государством и церковью как по вопросу о церковных имуществах, так и по вопросу о власти.

Как и прежние правители, за исключением Елизаветы Петровны, Екатерина II продолжала борьбу с так называемым «переизбытком духовенства». Наиболее крупные меры в этом отношении были предприняты в 1769 и 1784 гг. Методы, которыми проводилась эта политика, были уже известны: это отдача безместных служителей церкви в военную службу, разрешение приписываться к городским слоям и даже к государственным крестьянам, насильственное переселение из центра в отдаленные епархии.

Указом 1774 г. получать наследственные приходы было разрешено только сыновьям штатного духовенства.

Государство считало возможным производить среди духовного сословия наборы для своих целей. Екатерина II отбирала из Московской и Киевской духовных академий студентов для Медико-хирургической академии, а также набирались студенты для Московского университета и преподаватели для светских школ. С ходом губернской реформы в 1779 г. было дано распоряжение определить на канцелярскую службу «лишних» сыновей церковнослужителей.

Тем не менее в эпоху Екатерины II был издан ряд указов, закреплявших некоторые особые права духовенства. В частности, светские суды получили указание строго соблюдать запрет на вмешательство в дела духовной юрисдикции. Если духовные лица при тяжбах с миря-

нами оказывались перед светским судом, то при разбирательстве должны были присутствовать депутаты от консисторий. С 1791 г. в епархиях по распоряжению Сената стали назначаться постоянные депутаты, которые оказывали существенную помощь духовенству в светских судах вплоть до судебной реформы 1864 г.

За короткое царствование Павла I произошли определенные изменения в отношениях между церковью и государством. Во-первых, усилилось идеологическое взаимодействие между светской и духовной властью.

Воспитанник митрополита Платона, Павел был глубоко верующим человеком. Император был убежден в религиозной сущности власти и тем оправдывал свое вмешательство в церковные дела. Павел значительно преуспел на пути утверждения теократического принципа своей государственности. Начало было положено во время коронации 5 апреля 1797 г., когда Павел объявил себя главой церкви. Он хотел восстановить византийскую традицию священноимператоров. Как магистр католического Мальтийского ордена, Павел неизбежно стал сблизиться с папой Пием VII и даже пригласил папу переселиться в Россию. Эти события широко обсуждались в Европе и России, но реально речь шла не об отказе от православия, а о союзе российского монарха с вселенской церковью.

Отношение Павла I к императорской власти как религиозно-мистической функции выразилось в Акте о наследии престола от 5 апреля 1797 г., в котором определено, что русский император является «главою церкви». Таким образом, по закону 1797 г. требовалось, чтобы престолонаследник Российской империи принадлежал к православной церкви. В то же время претендент на престол, который уже является государем какого-либо другого государства, но принадлежит к православной церкви, не теряет своих прав на российский престол. Это важный факт, поскольку он отражает воззрения Павла I, в которых религиозный момент преобладал над государственно-политическим.

Во-вторых, улучшилось положение духовенства, которое превращалось в замкнутое привилегированное сословие.

В указе императора 1796 г. содержалось требование поднять достоинство духовенства. После того как он отменил телесные наказания по отношению к дворянству и купечеству, по ходатайству Синода это постановление распространилось и на духовенство. Вместо телесных наказаний применялись лишение сана и пожизненная ссылка в ка-

торжные работы. Духовное сословие было освобождено также от полицейских сборов.

Стремление поднять престиж духовенства нашло своеобразное выражение в награждении священников светскими наградами. Митрополиту Платону, которого Павел решил наградить орденом, пришлось на коленях умолять царя не делать этого. Архиепископ Псковский Ириней Клементьевский получил даже аксельбанты генерал-адъютанта для ношения поверх своего монашеского одеяния.

В период правления Павла были удвоены ассигнования на церковь, компенсация за отнятые имения, увеличена смета на духовные школы. Кроме того, император удвоил размеры земельных наделов архиерейских домов.

В период правления Павла был открыт ряд новых семинарий, а Петербургская и Казанская семинарии в 1797 г. были возведены в ранг академий.

Павел I запретил без его согласия отпускать духовных лиц или их сыновей, студентов философских и богословских классов, из духовного звания. В 1797 г. Синод издал указ о назначении окончивших духовные учебные заведения на места приходских священников.

Однако и в этот период «лишние» церковнослужители призывались на военную службу.

Эти тенденции сохранились и в начале XIX в. В многочисленных проектах конституции и законов Александра I отмечалось, что «православная греко-российская вера пребудет всегда господствующей верой империи...»⁸.

В период правления Александра I был издан ряд указов, окончательно превративших духовенство в одно из привилегированных сословий Российской империи:

- в 1801 г. был издан указ, отменивший телесные наказания для священников;

- в 1804 г. священники были освобождены от подушной подати и получили разрешение покупать ненаселенные имения;

- в 1819 г. священники дворянского происхождения получили право приобретать населенные имения;

- в 1821 г. священники были освобождены от постоянной и земской повинности.

---

⁸ Смолич И.К. Указ. соч. С. 119.

В этот период были отменены также телесные наказания для жен священнослужителей, монахов, не имевших священнического сана, а также было улучшено положение лиц, оставивших духовное звание и ставших налогообязанными. В 1810 г. императорским указом запрещалось превращение их в частновладельческих крепостных.

Указ 1820 г. давал освобожденным из крепостной зависимости право свободного выбора занятий и даже возвращение в духовное звание. Это установление вошло в Свод законов 1832 г. Но желающих осуществить это право было немного, поскольку по закону о условиях переход в духовное звание означал отказ от чинов, полученных во время государственной службы, гражданской или военной. Получивший на службе личное дворянство терял его.

В этот период были смягчены меры относительно земельных владений церкви как института. Указ 1805 г. позволил церковным учреждениям приобретать ненаселенные земли при условии особого разрешения. С 1819 г. это право получили монастыри и церкви. Все это привело к тому, что со временем церковные учреждения снова превратились в крупных землевладельцев. К тому же по указам 1808, 1811, 1821 гг. церковное землевладение пользовалось налоговыми привилегиями и освобождалось от военного постоя.

С назначением на должность синодального обер-прокурора князя А.Н. Голицына открылась новая глава в отношениях между церковью и государством. Если раньше самодержец лично руководил церковной политикой, то теперь обер-прокурор становится единственным представителем государства по отношению к церкви. С 1812 г. Голицын воспринял идею универсального «нового христианства» надконфессионального типа. Эти идеи имели влияние и на Александра I.

В первой четверти XIX в. светские церковные власти уделяли серьезное внимание проблеме духовного образования.

В 1808 г. была проведена реформа духовных учебных заведений, обусловленная низким уровнем преподавания в них, а также потребностью в грамотных священнических кадрах. Было существенно увеличено число духовных учебных заведений и количество учащихся в них (в 2 раза и более), улучшилось ассигнование духовных учебных заведений.

Однако преобразования носили незавершенный характер, что вызвало в последующем новые реформы духовно-учебных заведений.

Своеобразным экспериментом явилось учреждение в октябре 1817 г. Министерства духовных дел и народного просвещения. Это мероприятие упрочило положение обер-прокурора, который являлся теперь и министром по церковным делам, и завершило образование системы государственной церковности.

Но это Министерство не встретило поддержки со стороны православного духовенства и в 1824 г. было упразднено.

Свод законов Российской империи, созданный в царствование нового императора Николая I, узаконил установившиеся отношения между государством и церковью. В разделе “Основные законы” уточнялось отношение русского императора как носителя самодержавной власти к господствующему вероисповеданию и к управлению церкви. Церковное управление было выделено из общего комплекса государственного управления как особый институт, получивший свое законное основание. Фиксировались также права и обязанности духовенства, которое рассматривалось как особое сословие.

Согласно Основным законам российской империи подтверждалась принадлежность русского царя к восточно-православному вероисповеданию. Восточно-православная церковь объявлялась господствующей в Российской империи. Закон предписывал священное коронование восходящего на престол государя через святое миропомазание по чину православной церкви. Основу обязанностей и прав императора по отношению к церкви составляли публичное произнесение Символа веры и торжественное обещание править и судить по заповедям Господним. Принципиальное значение имела статья 42: «Император яко христианский государь есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры и блюститель правоты и всякого в церкви святой благочиния»⁹. Это положение заимствовано из «Духовного регламента».

Закон также отмечал, что управляет Церковью государственная власть через Синод.

Для императорской власти сохранение и поддержание византийской традиции имело государственно-политическое значение как во внутренней, так и во внешней политике. Для российской церковной иерархии религиозный смысл императорской власти также был важен, так как благодаря ему государственная церковность получала

---

⁹ Смолич И.К. Указ. соч. С. 121.

некоторое идейное оправдание и преодолевался разрыв между представлением о “господствующей” церкви и ее реальным подчиненным положением.

Одним из первых законодательных актов Николая I по «ведомству православного исповедания» было «разъяснительное определение» 19 февраля 1826 г. о том, что все жалобы мирян по поводу поборов священников должны рассматриваться не гражданскими властями, а церковными. Это был жест в пользу приходского духовенства. Но одновременно началось и последовательно проводилось очищение рядов духовенства от нежелательных лиц. Особенно строго обходились со священниками, которые решались хотя бы косвенно поддерживать крестьянские выступления. Эти действия могут быть оценены как этап подготовки целой системы мер по укреплению православной церкви, усилению ее «первенствующего значения». Николай считал, что противоядием «смуты» может быть лишь укрепление законности и централизация власти, и эти принципы он проводил в отношении церковной организации и ее деятельности.

Кодификация законов дала ясный перечень прав и обязанностей духовенства. Свод законов 1832 г. содержит изложение правового положения белого духовенства, епископов и монашества внутри государства. В него вошли также положения о церковной земле, о компетенции светских судов по отношению к духовенству.

Свод законов 1832 г. обеспечивал белому духовенству следующие основные права: 1) освобождение от подушного налога; 2) освобождение от воинской службы; 3) освобождение от телесных наказаний; 4) право приобретения земель в городах и деревнях; 5) в случае принадлежности к дворянскому сословию право приобретения заселенных земель; 6) освобождение от военных постоев.

При Николае I произошли важные изменения в деле церковного управления, связанные с наведением порядка в епархиальном управлении, где царили произвол и беспорядок. В 1841 г. был введен Устав духовных консисторий, который окончательно разграничил сферы компетенций духовных и светских судов при различных видах правонарушений.

В этот период были расширены имущественные права церкви. В 1835 г. император разрешил монастырям приобретать земельные участки в размере от 100 до 150 десятин, расширил их права на рыбную ловлю.

В сфере духовного образования также произошли перемены. В 1836 г. были увеличены дотации на духовно-учебные заведения. В 1838 г. была проведена новая реформа духовно-учебных заведений. В число изучаемых предметов были введены новые курсы наук – библейская история, историческое учение об отцах церкви, усилено изучение русской церковной истории. С 1840 г. был взят курс на практическое обучение. В учебных программах академий появились такие науки, как логика, психология, педагогика, физика, математика. В период правления Николая I были учреждены первые женские духовные училища.

В период правления Александра II происходят серьезные изменения, которые коснулись духовенства и шли в русле буржуазных преобразований 1860 – 1870-х гг. Отметим, что большинство этих изменений произошло по инициативе государства. В частности, был разработан ряд мер, направленных на преодоление замкнутости и корпоративности духовного сословия и призванных в своей совокупности улучшить качественный состав духовенства, «раскрепостить» это сословие. Был нарушен принцип наследственности «духовного состояния». В 1863 г. студентам духовных семинарий разрешили поступать в университеты. Насколько важна была эта мера для юношей-семинаристов показывают следующие данные: к 1875 г. среди студентов университетов страны 46% составляли бывшие семинаристы. Церковное ведомство, ошеломленное таким обстоятельством, в 1879 г. добилось отмены этого разрешения¹⁰.

В 1864 г. детям духовных особ было разрешено поступать в гимназии, а в 1866 г. – и в военные училища. Одновременно в 1867 г. состоялось решение о том, что правом поступления в семинарии пользуются все без исключения православные. Таким образом, были сняты сословные ограничения при формировании кадрового состава приходского духовенства. К этому стоит добавить, что с 1867 г. была формально ликвидирована наследственность приходов.

Синод, со своей стороны, начал пересматривать систему подготовки священников. И здесь также не обошлось без инициативы государственной власти. Еще в 1858 г. во время своей поездки по стране Александр II посетил Ярославскую, Вологодскую, Литовскую и Нижегородскую духовные семинарии, именно после этого Синод за-

---

¹⁰ См.: Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 357-358.

думал провести духовно-учебную реформу. В течение семи лет шли разработка и обсуждение этой реформы. В результате в 1867 г. царь утвердил новые штаты и уставы духовных училищ и семинарий, а в 1869 г. – духовных академий. Согласно принятым постановлениям, вместо духовно-учебного управления Синода, которое возглавлялось обычно светским чиновником, был создан учебный комитет во главе с лицом духовным, который должен был определять содержание и методику обучения, а административно учебные заведения были подчинены епархиальному начальству. По новым уставам ректор семинарии не назначался, а избирался; в академиях создавались совет, ведавший учебным процессом, и правление, ведавшее хозяйственными вопросами; в семинариях и духовных училищах создавалось правление, получившее право избирать преподавателей.

В то же время, из учебных программ духовных академий были исключены физико-математические науки, резко сократились общеобразовательные предметы, последний курс четырехгодичного обучения был целиком посвящен практике преподавания в семинариях; из учебного плана семинарий были исключены естественные науки, основы сельского хозяйства, медицина. Более того, исключили и библейскую историю, герменевтику, церковную археологию, полемическое богословие – все то, что так или иначе приводило семинариста в соприкосновение с наукой, способствовало развитию самостоятельного мышления. Вместо этого расширилось преподавание классических языков, Священного писания. Из семинарских библиотек изымались все издания, которые «не имеют никакого отношения к семинарскому образованию и потому представляются излишними» или которые «по содержанию и направлению своему могут быть более вредны, чем полезны для обучающегося духовного юношества».

Вместе с тем были приняты энергичные меры по улучшению материального положения духовных учебных заведений. Даже училища, находившиеся на содержании епархии, получили возможность выплачивать жалованье преподавателям за счет казны. Расход на духовные учебные заведения с 2 млн. руб. в 1855 г. вырос в 1880 г. до 5 млн. руб.¹¹

В 1862 г. было создано Особое присутствие по изысканию способов улучшения быта духовенства под председательством петербург-

---

¹¹ См.: Русское православие: вехи истории. С. 360.

ского митрополита. В него вошли все члены Синода, министры внутренних дел и государственных имуществ, обер-прокурор Синода, шеф жандармов, директор тогда еще действовавшего духовно-учебного управления при Синоде и статс-секретарь Государственного совета. Местными органами этого учреждения были губернские присутствия «об улучшении быта православного духовенства» под председательством епархиальных архиереев.

Особое присутствие по изысканию способов улучшения быта духовенства родилось в результате обсуждения в Совете министров той же проблемы. В ходе обсуждения вопрос об улучшении материального положения духовенства, особенно приходского, связывался с другим, ставшим весьма актуальным после отмены крепостного права, а именно с вопросом о народном просвещении. Выход из положения виделся в том, чтобы возложить на приходское духовенство обучение детей грамоте и соответственно оплачивать эту «дополнительную нагрузку». Таким образом, предполагалось одновременно решить три проблемы: улучшить материальное положение приходского духовенства, обеспечить обучение детей крестьян грамоте и усилить «нравственное влияние» священника в народе. Но этот план не получил при обсуждении общего одобрения. Стало ясно, что клубок проблем, которые необходимо решать, разрастается; именно эти проблемы и передали Особому присутствию. Оно должно было рассмотреть, кроме вопросов материального обеспечения духовенства, вопросы расширения личных прав и преимуществ духовенства, снятия ограничений для детей духовных лиц в выборе сфер деятельности, привлечения духовенства в приходские и сельские училища.

Александр II торопил с составлением программы деятельности присутствия и сбором сведений для него, с тем чтобы к 1 июня 1863 г. присутствие могло уже непосредственно приступить к решению вопросов. Царь так объяснил свои действия: «Я везде назначил сроки, дабы дело подвигалось действительно, а не протягивалось, как оно у нас часто бывает, одним отписыванием».

В 1864 г. было утверждено Положение о приходских попечительствах и о церковно-приходских школах. Попечительство из прихожан должно было заведовать церковными делами прихода и содействовать улучшению материального положения священников. Таким образом, было создано низшее звено церковного управления на началах самоуправления (подобно сельскому самоуправлению) и заодно еще

раз подчеркнута обязанность прихода материально обеспечивать духовенство.

Кроме этого, результатом деятельности Особого присутствия явилось мнение Государственного совета, утвержденное царем в 1869 г., и дополнения к нему 1871 г. По этим актам из «духовного звания исключались» лица, не имевшие священнического сана и не состоявшие на церковнослужительских должностях; певчие, церковные сторожа, звонари, сверхштатные псаломщики и дети духовенства. Этим последним даны были права личных дворян или потомственных почетных граждан, а детям церковнослужителей предоставлялись права только потомственных почетных граждан.

Для улучшения материального положения приходских священников было решено сократить количество приходов, соответственно и количество штатных священников и дьяконов, а освободившиеся суммы использовать для повышения жалованья оставшимся. За 1869 – 1879 гг. было упразднено около 2 тыс. приходов, сокращено 500 штатных священников (из 39 тыс.), 35% дьяконов. Годовое жалование сельских священников увеличивалось и составляло от 144 до 240 руб. Характерно, что в западных губерниях священник получал 400 руб., а псаломщик – до 100 руб. Пенсионный капитал церкви (около 6 млн. руб.) был передан в государственное казначейство, т.е. духовенство практически перешло на государственное пенсионное обеспечение. Правда, с 1866 г. из жалованья духовных лиц отчислялось в пенсионный фонд 2%. Размеры пенсий были увеличены в 1866 и 1878 гг., причем не только священникам: с 1876 г. пенсиями обеспечивались протодьяконы, а с 1880 г. – и дьяконы. Увеличение пенсий касалось и семей духовных лиц, потерявших кормильца.

В церковном управлении в 1860 – 1870-х гг. также произошли изменения, характерные для всего государственного аппарата пореформенного времени. Подобно тому как в государственном аппарате укреплялось среднее (губернское) звено, которому был передан ряд вопросов, до реформы решавшихся только на министерском уровне, епархии и духовные консистории также получили от Синода ряд прерогатив. Это касалось не только наблюдения за семинариями и училищами, о котором говорилось выше. В 1867 г. было отменено деление епархий на классы, что подняло статус тех из них, которые числились по третьему классу. В 1869 г. были утверждены новые штаты духовных консисторий, а суммы на их содержание увеличены

почти втрое. Епархиальные иереи получили право разрешать строить церкви, что раньше было прерогативой Синода, они же давали разрешение на пострижение в монахи. Расширились границы епархиального самоуправления, на этом уровне вводились соборное и выборное начала. Все это укрепило церковную власть на местах, усиливая бюрократическую основу этой власти.

Сам Синод не претерпел особых изменений. В 1865 г. была учреждена должность товарища обер-прокурора, что внешне сближало высший орган управления церковью с любым другим министерством. В 1867 г. функции контроля за финансово-хозяйственной деятельностью были выделены из хозяйственного управления в особое подразделение.

Судебная реформа в стране не затронула духовного судопроизводства. Только в 1879 г. был образован особый комитет для выработки проекта судебной реформы; в том же году этот комитет представил свой проект, основной идеей которого было приближение духовного судопроизводства к светскому в плане обособления судебной власти от административной, но и он не стал законом.

14 июля 1864 г. было утверждено положение о начальных народных училищах, где должны были преподаваться закон божий, чтение, четыре действия арифметики, церковное пение, причем преподавание велось на русском языке. В уезде наблюдение за их работой осуществлял уездный училищный совет, в который входили представители министерств народного просвещения, внутренних дел, православного духовенства, два члена от земского собрания и один из ведомства, которое содержит эти начальные народные школы. В губернии председателем губернского училищного совета был епархиальный архиерей, а членами – губернатор, директора училищ и два члена губернского земства. Решения этого совета были окончательными и присылались попечителю учебного округа только для сведения. Как видим, дело народного образования контролировалось и направлялось при решающем участии духовенства. Такое положение особенно упрочилось, когда обер-прокурор Синода Д.А. Толстой был назначен министром народного просвещения (1866 г.).

Царь в своем рескрипте 15 апреля 1866 г. прямо указывал на то, что соединение этих двух должностей в одном лице даст возможность Д.А. Толстому выдвинуть свои соображения по поводу церковного влияния на всю систему народного просвещения. А 13 мая

1866 г. в очередном царском рескрипте были уже сформулированы позиции Д.А. Толстого, который видел цель образования в «воспитании юношества в духе истинной религии, уважения к правам собственности и соблюдения коренных начал общественного порядка».

На приходское духовенство была возложена обязанность обучать крестьянских детей грамоте в церковноприходских школах. Вначале царь требовал ежемесячные сведения о ходе открытия начальных школ и их деятельности, затем такие сведения стали доставляться ему дважды в год. Эта мера призвана была подстегнуть организацию подобных школ. Впоследствии, когда развернули свою деятельность земства и создавалась сеть народных училищ, церковноприходских школ стало меньше. Так, если в 1860 г. было около 8 тыс. церковноприходских школ с контингентом учеников до 134 тыс. человек, а в 1865 г. их стало 21 420 с 413 524 учениками, т.е. произошло почти трехкратное увеличение их числа, то к 1881 г. их было уже всего около 4,5 тыс. со 105 тыс. учеников.

Таким образом, к концу 1870-х гг. выяснилось, что духовенство не использовало предоставленное ему право и «широкий простор в деле наблюдения за нравственным влиянием школы». По данному вопросу было созвано Особое совещание под председательством Валуева. Шеф жандармов и министр финансов пришли на этом совещании к выводу, что «задача первоначального обучения не так сложна, чтоб улучшенные педагогические приемы были для нее, безусловно, необходимы, – она заключается в том, чтобы научить детей читать, писать, считать и молиться богу, и потому могла бы преимущественно быть вверена духовенству при улучшении его материального быта теми средствами, которые теперь предназначаются для школ, не состоящих в его заведовании». Эту идею практической ликвидации светской начальной школы поддержал и министр государственных имуществ. Однако, как это ни странно, против этой идеи выступил Д.А. Толстой. В данном случае, вероятно, перевесили ведомственные интересы министерства народного просвещения, а может быть, и то обстоятельство, которое было четко сформулировано во фразе «у духовенства нет времени», оброненной участником совещания Урусовым. Валуев в своем выступлении указал также на неудобство отменять предоставленные земству права по этой части.

В начале 1880-х гг. Комитет министров «выразил единогласное убеждение, что духовно-нравственное развитие народа, составляю-

щее краеугольный камень всего государственного строя, не может быть достигнуто без предоставления духовенству преобладающего участия в заведовании народными школами». Реализацию этой общей директивы взял на себя назначенный обер-прокурором К.П. Победоносцев. 22 марта 1881 г. он писал царю Александру III: «...в народном первоначальном образовании министерству народного просвещения необходимо искать главной опоры в духовенстве и церкви». В этом духе были разработаны «Правила о церковноприходских школах», изданные 13 июня 1884 г., в которых подчеркивалось, что «школы сии имеют целью утверждать в народе православное учение поры и нравственности христианской и сообщить первоначальные полезные знания...». Александр III в своей резолюции при утверждении правил писал: «Надеюсь, что приходское духовенство окажется достойным своего высокого призвания в этом важном деле». В 1885 г. при Синоде был создан училищный совет для церковноприходских школ.

Согласно «Правилам» церковноприходские школы были одноклассные с двухлетним сроком обучения и двухклассные – с четырехлетним. В первых - детей обучали молитвам, священной истории, краткому катехизису, церковному пению, чтению церковной и гражданской печати и письму, начальным арифметическим правилам, во вторых, кроме перечисленных предметов, преподавалась история церкви и страны. Преподавание вели священники или церковнослужители, иногда привлекались учительницы, но по утверждению их епархиальным архиереем и под наблюдением священников.

За 10 лет – с 1884 по 1894 г. – было построено 9 200 школ (строительство обошлось в 7 млн. руб. В 1894 г. насчитывалось уже более 30 тыс. школ с 917 тыс. учеников, тогда как в 1881 г. их было всего 4 404 с 30 тыс. учеников. Среди этих школ – 18 тыс. школ грамоты, 12 тыс. – одноклассных и 200 – двухклассных, которые готовили «недорогих» учителей. С 1886 г. казна стала давать на школы 3,3 млн. руб. в год. Через год последовала прибавка в 1,5 млн. руб., в 1899 г. – еще прибавка в 3,5 млн. руб.

В своем докладе Александру III К.П. Победоносцев в 1891 г. отмечал положительные результаты деятельности церковноприходских школ, которые становились твердым оплотом «против вторгающихся извне в темную крестьянскую среду различных лжеучений», но признавал, что «в небольших поселках и малолюдных деревнях школы эти, при всей своей сравнительно с другими начальными народными

училищами дешевизне, даже при бесплатном труде церковных причтов, часто не по силам малочисленному населению». В этих местах, продолжал Победоносцев, «духовенство устроит школы грамоты», и просил царя утвердить правила их деятельности. Царь их утвердил. Это были школы с двух- или трехмесячным обучением, которое проводили «богобоязненные крестьяне», окончившие двухклассную церковноприходскую школу, или дьячки. Для этих школ Синод специально издал начальные уроки закона божия, Букварь церковнославянского языка, Евангелие, Часослов, Псалтирь. Создание подобных школ поддержал и «Правительственный вестник» от 15 мая 1891 г.

Заметим, что Д.А. Толстой и К.П. Победоносцев не были удовлетворены деятельностью церкви и ее служителей. Они не очень высоко ценили моральные и профессиональные качества не только приходского духовенства, но и архиереев и считали, что им не под силу выполнение поставленных перед церковью задач. Из этого сложного положения обер-прокуроры пытались выйти двумя путями: улучшением подготовки священников и усилением собственно государственных репрессивных мер во всех случаях, когда чисто церковные средства оказывались малоэффективными. Поскольку ощутимых сдвигов в деле улучшения подготовки священников достичь не удалось, то второй путь все более приобретал значение единственного. Это особенно ярко прослеживается жизнью церкви в 1880 – 1890-е гг.

В 1880-х гг. были пересмотрены все решения, касавшиеся церкви. В 1884 – 1885 гг. восстановлены все 2 тыс. приходов, закрытых в 1869 г. В 1883 г. вышло новое издание устава духовных консисторий, усиливавшее их административно-карательные права. В 1890 г. Синод разработал, а царь утвердил инструкцию церковным старостам, которая усиливала их роль в приходе и ориентировала на выбор старост из зажиточной части сельского населения. Новые уставы духовно-учебных заведений, введенные в 1884 г., были лишены всех элементов демократизма, содержащихся в уставах 1860-х гг.: усилилась власть архиереев и администрации, выборы в семинариях были отменены, учреждалась должность духовника, выполнявшего надзирательские функции.

Характерной особенностью жизни церкви в 1880 – 1890-х гг. было заметное расширение церковной печати и рост числа всевозможных церковных обществ. Начавшие выходить в 1860-х гг. в отдельных губерниях «Епархиальные ведомости» к 1880-м гг. стали повсе-

местно органом епархий. При этом особенностью возникавших в 1880-х гг. новых изданий было их стремление отойти от роли официального информатора о фактах церковной жизни и «войти в каждый дом» в качестве проповедника. Такую цель ставили себе возникший в начале 1880-х гг. московский еженедельник «Воскресный день», рассчитанный «для чтения в православной семье», а также такие издания, как «Кормчий», «Пастырский собеседник». С 1888 г. начал выходить официальный еженедельник Синода «Церковные ведомости».

В 1864 г. правительство утвердило основные правила для учреждения православных церковных братств и положение о церковных попечительствах. Последних в 1868 г. было уже свыше 5 тыс., а к 1880 г. – 11,8 тыс. Братств к 1880 г. было 63. Некоторые исследователи считают, что вряд ли можно говорить о массовой поддержке этой инициативы светских и церковных властей в 1860 – 1870-е гг. Ситуация меняется в 1880 – 1890-х гг.; только за 12 лет, считая с 1881 г., возникло 76 новых братств. Эти братства и ряд обществ пользовались прямым покровительством императрицы и других членов императорской фамилии, щедро субсидировались правительством.

Таким образом, анализ государственно-церковных отношений в XVIII – XIX вв. показывает, что эти отношения развивались неровно, противоречиво, переживали периоды гармонии и противостояния.

Особенно болезненными для Русской Православной церкви были упразднение патриаршества в царствование Петра I и секуляризация церковных земель, проведенная Екатериной II. Вследствие этого XVIII в. был временем особенно напряженных отношений между церковью и государством.

Однако в XIX в. ситуация изменилась. Светская власть начинает относиться к церкви как к своему идейному и политическому союзнику. На смену конфронтации приходят отношения сотрудничества и партнерства светских и духовных властей.

ГЛАВА 2

Старообрядчество и сектантство

Старообрядчество с чисто религиозной точки зрения представляет собой направление, которое, с одной стороны, смыкается с православием, а с другой – в лице некоторых течений беспоповщины имеет некоторые точки соприкосновения с сектантством. В отличие от сект, староверы признают Священное писание и Священное предание. Донионовская церковная традиция сохранилась в более или менее неизменном виде только в поповщине – умеренном старообрядческом течении.

Профессиональный клир, не принявший «новой веры», разделился, и различные его элементы примкнули к трем основным направлениям раскола: боярскому, посадскому и крестьянскому, не образуя своеобразного отдельного течения. Боярское направление скоро исчезло, а посадское, напротив, получило дальнейшее развитие. Религиозное развитие в среде посадской оппозиции направлялось не столько в сторону выработки новой религиозной идеологии, сколько в сторону выработки церковной организации, оперировавшей старой, «древнероссийской» идеологией.

Развитие посадского раскола базировалось в течение XVIII в. на росте торгового капитала, искавшего путей для накопления. Более ярко эти тенденции проявились в так называемой поповщине. Господством посадского купечества определились идеология поповских общин, их культ и церковное устройство. С точки зрения посадских людей, вина дворянского государства заключалась в том, что оно отняло у посада свободную корпоративную организацию и подчинило его организации казенного тягла. Уничтожение привычных форм культа и корпоративной организации приходов с подчинением приходских священников власти архиереев довершило обиды посада. Уходя из дворянского государства и образуя свои свободные общины, посадские люди получали свободу. В противовес правительственной церкви старообрядческая купеческая идеология старается держаться тех воззрений, которые наиболее старинны.

Посадское старообрядчество обратилось к выработке церковной организации. Остаться без церкви они не хотели: это значило бы расстройство всего житейского уклада. Поэтому они резко отмежевались

от беспоповских толков, выработавших свое учение на староверческих соборах 1692 и 1694 гг. По представлениям поповцев основой всякой церковной организации является культ, а он немыслим без профессиональных священников: «Без попов нам быть никак невозможно». Первоначально все старообрядцы, принимавшие священство, переходившее (бегствовавшее) от господствующей церкви, назывались беглопоповцами.

Борьба правительства и Синода против раскола привела к появлению эмигрантов-староверов. Основная масса старообрядцев устремилась к расселению по двум направлениям: на Дон и в Черниговский край. Центром поповщины на Дону стала Чирская пустынь. Там староверы приняли участие в крестьянско-казацком восстании Кондратия Булавина 1707 – 1708 гг. После его поражения 2 тыс. староверов во главе с И. Некрасовым переселились в Турцию.

Первая ячейка будущей поповской церкви была заложена двенадцатью купеческими семействами, выселившимися в 70-е гг. XVII в. под руководством попа Кузьмы из Москвы в Стародубье. За московской колонией последовали колонии из других городов – Калуги, Орла, Ярославля, Костромы, Вязьмы и др. Первое время поселенцы пользовались льготами, но после восстания стрельцов правительство потребовало от украинского гетмана Самойловича принять меры против раскольников. Тогда началась эмиграция в польские земли. Эти поселения стали первым оплотом старообрядческой посадской организации. За 5 – 10 лет слободы разрослись в крупный торговый центр, захвативший в свои руки нити торговли между Левобережной Украиной и Белоруссией, их население достигло 40 тыс. человек благодаря постоянному притоку новых эмигрантов.

Крестьянская часть эмигрантов была вынуждена остаться на Украине, экономическим и церковным центром староверов стала колония на реке Сож, на самой границе с Украиной. Там была основана слобода на острове Ветка в 1685 г. Крестьянские общины в лесах и на сыпучих песках не могли развернуть зернового хозяйства, потому здесь развивалась кустарная промышленность. Церковная связь с заграничными староверами очень скоро превратила их в постоянных поставщиков купцов. Последние предоставляли кустарям кредит, снабжали их сырьем и быстро вовлекли в экономическую зависимость. Так поднимался ветковский торговый капитал.

К началу XVIII в. Ветка стала средоточием старообрядцев-поповцев, здесь было до 40 тыс. жителей, появились мужские и женские монастыри. Усилению Ветки способствовало то, что священноинок Феодосий в 1695 г. основал церковь. Это была первая построенная старообрядцами церковь, в которой регулярно стала совершаться литургия.

Пропаганда, шедшая с Ветки, по выражению Дмитрия Ростовского, «отторгала, подобно апокалипсическому змею души людей православных». Усилия по разорению общин предпринимались по инициативе нижегородского архиепископа Питирима с 1706 г. В 1715 г. он предлагал Петру I истребить Ветку, говоря, что «велия будет в том польза, понеже бежать будет некуда», однако Петр I не выполнил просьбу разорить их поселения. Только в царствование Анны Иоанновны правительство обратило внимание на Ветку. Первоначально поповцам предлагались прощение вины, права свободного жительства. В 1735 г. была послана карательная экспедиция из пяти полков под командованием полковника Сытина. Были разорены церкви и монастыри и выселено около 14 тыс. человек. Начальствовавший на Ветке священноинок Иов был сослан в Иверский валдайский монастырь, где и скончался. Погибли многие иконы и уникальное собрание книг Лаврентьевского монастыря. Со временем большинство монахов бежали назад, возобновился приток новых эмигрантов.

Но второе «изгнание» произошло только в 1764 г., когда генерал-майор Маслов угнал на поселение в Сибирь почти 20 тыс. жителей. Тогда колония была окончательно разорена. Большая часть староверов выселилась обратно в Стародубье.

Вопрос о том, где взять «старых», дореформенных священников, стоял остро. Единственный верный расколу епископ Павел Коломинский умер в начале XVIII в., не посвятив на свое место преемника. Без епископа не могло быть священства. Староверческая церковь пыталась разрешить этот вопрос двумя путями. Первый путь – принимать священников, уходивших в староверчество из никоновской церкви при соблюдении определенных условий. Идеолог раскольников протопоп Аввакум говорил: «Аще поп тот проклинает никоновскую ересь и всю службу их и всею крепостью любит старину, по нужде да будет поп, и к тем церквам приходите». Решив в принципе вопрос о приеме беглых священников нового рукоположения утвердительно, поповцы вступили в долгие споры по вопросу об условиях приема новых священников. Было решено созвать собор, который со-

стоялся в 1779 – 1780 гг. в Москве на Рогожском кладбище. Большинство согласилось с тем, что при необходимости возможны отступления от канонических правил. Еще задолго до Собора в поповстве господствовала практика перемазывания.

В XIX в. капиталы Рогожской организации открылись для новых предприятий: в Москве и ее окрестностях основывались новые мануфактуры. В поповскую организацию потянулись купцы, масса мелких торговцев и ремесленников. Крестьяне, поступавшие на мануфактуры в качестве рабочих и приказчиков, массами переходили в старообрядчество. Так, вскоре весь Гуслицкий район Богородского уезда быстро вышел из синодальной церкви. Крестьяне, переходившие в «старую веру», получали ссуду для выкупа на волю, рекрутские квитанции.

Все усилия поповцев были направлены к двум целям – создать себе легальное положение и независимый клир. Вопрос о легализации особенно остро стоял в провинции. Московская община была слишком сильна и влиятельна, правительство состояло в связях с рогожцами. Начались переговоры с правительством Москвы об упрочении права принимать беглых попов. В 1803 – 1818 гг. правительство выдавало разрешения получать попов отдельным общинам. В 1822 г. были утверждены «секретные» правила «о попах и молитвенных домах старообрядцев». Согласно им, беглые попы освобождались от преследований, если не совершили уголовного преступления. Позволено было оставить старые церкви и часовни. В 1847 г. руководители рогожской общины выдвинули Степана Жарова, содержателя гостиного двора, в архиепископы. Он был посвящен в сан под именем Софрония. Вслед за ним было посвящено еще 10 епископов, и в 1859 г. образовалось 10 старообрядческих епархий.

Последняя «победа» рогожцев состоялась в 1883 г., когда было позволено свободное отправление старообрядческого культа, но без колокольного звона, публичных крестных ходов и без права попов и епископов носить священническую одежду.

Ненадежность клира из беглых попов заставляла старообрядцев постоянно возвращаться к вопросу о другом пути организации клира и культа – поставить староверческую церковь в независимое положение от беглых синодских попов. Для этого было необходимо создавать самостоятельную иерархию во главе с епископатом, который мог

бы поставлять священнослужителей из среды самих староверов. Задача была решена только в XIX в.

Начиная с 1800 г. часть поповщины слилась через посредство единоверия с официальным православием. Служба в единоверческих приходах совершалась в полном соответствии со староверческими канонами. Но организационно они включились в состав Русской Православной церкви.

Одним из первых раскольничьих поселений была Выговская община в Поморье. Она стала одной из метрополий беспоповского старообрядчества. Выговская пустынь, Выгорецкое пустынножительство – это монастырь на реке Выг в Повенецком уезде Олонецкой губернии. За исключением руководителей, первоначальный состав общины был крестьянский, с некоторым количеством непокорных монахов Соловецкого монастыря.

После кончины в Палеостровском монастыре на Онежском озере ссыльного епископа Павла Коломенского, единственного архиерея, оставшегося у старообрядцев после раскола, и по мере смерти последних канонически рукоположенных священников в старообрядчестве возник раскол по вопросу священства. Наиболее догматичные элементы полагали, что «благодать священства взята на небо». Их принято считать «беспоповщиной». Они соблюдали только те таинства, которые имели право совершать и миряне: крестины, погребение. Инок Корнилий, скитаясь по поморским пустыням, получил «мир и благословение» от пустозерских узников. В Выговской пустыни жил инок Кирилл, союзник Аввакума. Именно они благословили начало жития на Выгу старообрядцев. Это была та духовная сила, которая позволяла обществу не только выстоять, но уже во второй четверти XVIII в. превратиться в крупнейший в России экономический, культурный и религиозный центр старообрядцев.

Первоначально условия существования общины были крайне тяжелыми. Вновь основанная община была отрезана от всего остального мира полным бездорожьем. Было введено строгое разделение труда, устроены особые мастерские для каждой отрасли производства. По правилам полагалось: «Все иметь в казне общим, у себя не иметь ни денег, ни платья, ни иных вещей», «трапезу иметь всем общую, кроме немощных; пища и питье всем равны; недужным по благословению прибавок давать».

Так устроились «вышнего Иерусалима граждане, в дебрях живущие». Мир, оставленный выговцами, – царство антихриста. Царь не нужен – «за царя бога не молим», из мира антихриста они не принимали и попов. Временно, как они считали, на короткий срок, оставшийся до кончины мира, можно обойтись без священства, так как оно нужно для таких житейских потребностей, как брак, крещение, но эти потребности теперь потеряли всякий смысл.

Экономическая и социальная дифференциация очень скоро разрушили старую идеологию. Уже в 1702 г. выговцы были вынуждены сделать первый шаг к примирению с «миром». Петр I организовал железные заводы, один из которых, Повенецкий, находился близ Выговской пустыни. Общинникам официально была предложена свобода жительствова в пустынях, скитах и свобода богослужения по старопечатным книгам с условием, чтобы они «в работах к Повенецким заводам были послушны и чинили бы всякое споможение по возможности своей». С 1705 г. от имени императора А.Д. Меншиков дал выговцам обширные права как в жизни религиозной, так и в экономической. Пришлось выбирать либо открытый конфликт с антихристом, либо договор с ним.

Среди выговцев были те, кто решился «огнем скончаться», но руководители общины Денисовы и Викулин высказались против ссоры с правительством и настаивали на принятии условий и даже молитвы за царя. Со временем руководители общин пошли дальше в примирении с «миром». Прослышав, что супруга царя, Екатерина, хотела бы иметь оленей, они стали с 1722 г. почти ежегодно доставлять партии по 50 – 80 живых оленей и называли себя в сопроводительных письмах «богомольцами» императрицы.

В 1722 г. произошло событие, вследствие которого выговцам пришлось официально признать соглашение с государством. По настоянию Синода Петр I отправил на Выг иеромонаха Неофита, в намерения которого входило спровоцировать староверов на антиправительственное выступление. Оказавшись слабым в диспутах, Неофит дал выговцам 106 вопросов, потребовав на них письменный ответ. Денисов сочинил целый трактат свыше 500 страниц, который известен как «Поморские ответы».

На все провокационные вопросы были даны очень осторожные ответы. В частности, говорилось о том, что «государю от вседержавия божия десницы поставленному честь, покорение, благодарение и

всеверное служение всеусердно воздавать». Таким образом, был совершен полный поворот от непризнания «мира» до выражения полной покорности государственной власти.

Особенно сложным для выговцев было время правления Анны Иоанновны, когда Синод стремился разгромить общину при помощи ложных доносов. В конце 30-х гг. на Выг была отправлена карательная экспедиция. В марте 1739 г. был арестован Семен Денисов, началась паника. Некоторые члены общины даже собирались взойти на костер. Но руководители общины не одобряли такие намерения, доказывали, что страдать «не за что». В конечном итоге Денисов был освобожден, комиссия прекратила следствие и отбыла в Петербург.

Ближе к миру стояли пашенные двory, где жили и работали крестьянские семьи, снабжавшие монастырь съестными припасами. По данным ревизии 1764 г., в общежительстве насчитывалось 279 душ мужского пола и 757 – женского. Скиты населяло 1 640 душ. Совокупность поселений постепенно превратилась в культурный и промышленный центр русского Севера. В ограде Даниловского монастыря, основанного еще в 1694 г., помещалось 193 строения; кроме того, общине принадлежало 27 скитов и 12 пашенных дворов.

Для поморских общин примирение выговцев с «миром» стало не чем иным, как поклонением «зверю», признанием антихриста. С этого времени в поморском согласии окончательно возобладала новая идеология.

Одним из наиболее острых был вопрос о браке. Поморцы признали, что в браке надо различать две стороны: сторону обрядово-богослужebную, которая на практике стала неисполнима, и сторону внутренней необходимости (продолжение рода). Для соблюдения формальностей пришлось выработать особый «брачный устав», воспроизводивший традиционные бытовые обряды домашнего благословения жениха и невесты почти без изменения в том виде, как они описаны в XVII в. От всех вступающих в брак требовалось разрешение родителей, от служащих – разрешение начальства, от господских крестьян – представление отпускнуой. После домашнего акта следовало благословение наставника в часовне.

Поморцы выработали богослужebный ритуал, сходный с протестантским. Богослужение заключалось у них не в магических церемониях, а в общественной молитве, пении и чтении под руководством выборного наставника; культ отправлялся в часовне и в домашних

молельнях. В результате на практике поморцы стали «христианами евангельского вероисповедания», но оставаться такими навсегда они не хотели. Когда в 1760 г. в Москве рогожцами был поднят вопрос о необходимости иметь законного архиерея, поморцы согласились на соединение с поповскими церквями. Но на общем собрании в 1765 г. вопрос не был решен. Поморцы остались при упрощенном культе и существовали отдельно от поповской церкви.

Такую же эволюцию прошло другое беспоповское согласие, так называемые федосеевцы. Основатель этого согласия Феодосий Васильев из рода бояр Урусовых был главой новгородской староверческой общины и руководителем новгородских соборов 1692 – 1694 гг., на которых было проведено учение об окончательном исчезновении истинного священства. После 1694 г. он отправился в Польшу и там основал несколько беспоповских общин.

В 1706 г. произошел первый конфликт внутри общин, поскольку поморцы постановили молиться за царя. Феодосий пытался организовать общины в России, но в 1711 г. был арестован и скончался в новгородской тюрьме. Состав общин в Польше первоначально был крестьянский, но к середине века начались процессы социальной дифференциации, выделились буржуазные верхи. Льготы, данные Екатериной II, вызвали переселение купцов-федосеевцев в Россию. Они образовали общины в Петербурге, Новгороде, Ярославле, Пскове и Риге.

В Москве одновременно с учреждением Рогожской общины федосеевцы учредили свою общину за Преображенской заставой – Преображенское кладбище с часовней, богадельней и молитвенным домом. Для получения разрешения на основание общины федосеевцам пришлось ввести молитву за царя. Преображенская община очень скоро заняла особое положение и выработала свою идеологию, создав преображенское, или федосеевское, согласие в беспоповщине.

Во второй половине XVIII в. федосеевцы были самым крупным беспоповским согласием. Они проживали в Москве, Петербурге, Новгороде, Риге, Польше, по всей Сибири.

Внешние события как будто благоприятствовали Преображенской общине. В 1771 г. Москва была охвачена паникой, когда началась эпидемия чумы. В этот момент с проповедью выступил купец и заводчик Илья Алексеевич Ковылин. Происходил он из крепостных крестьян Костромской губернии, в 1768 г. принял крещение в федосеевском согласии. Он объяснял появление чумы карой господней за

уклонение федосеевцев в иные ереси и призывал к покаянию и возвращению на путь истинный. Его проповедь привлекла последователей даже из среды православных: они принимали крещение от Ильи и передавали ему свое имущество.

По ходатайству Ковылина в 1771 г. вышел императорский указ, который разрешал беспоповцам «в назначенном от них месте (против Преображенского) для содержания больных больницу построить». Его же трудами на Преображенском кладбище построены каменные здания, часовни. В пользу общины он пожертвовал 300 тыс. руб. Так складывался первоначальный капитал для устройства Преображенской общины.

Учрежденная община была построена на самых строгих началах. Ковылин назвал ее монастырем: супруги отказывались друг от друга, холостые давали обет воздержания. Мужчины и женщины проживали в отдельных помещениях, дети в общину не допускались, за исключением подкидышей («воспитанников»). Принятие в общину проводилось по особому чину, когда купцов и ремесленников испытывали, не промышляют ли чем противным закону христианскому (игра в карты, употребление табака), не содержат ли публичных домов и не с корыстью ли вступают в общину. Крестьян обязывали повиноваться господину телесно, а веру блюсти до последнего дыхания. От всех требовался отказ от общения с «внешним» миром.

К началу XIX в. число прихожан на Преображенском кладбище выросло до 10 тыс. человек. В 1809 г. был издан указ, освобождавший Преображенское кладбище от опеки Консистории. В течение 37 лет Преображенское кладбище числилось как частная собственность И.А. Ковылина. Он оберегал его, постоянно раздавая «подарки» различным мелким чинам, покупая их лояльность.

Законодательство Екатерины II и Павла I не знало юридического понятия старообрядческой общины. В 1816 г. из-за выборов новых попечителей Преображенского кладбища возник сильный внутренний раздор, о чем стало известно императору. Он выразил «гневное» неудовольствие, что послужило к уменьшению гражданских прав кладбища и стало началом к последующим репрессиям правительства по отношению уже ко всему старообрядчеству. Община организовала филиальные отделения в Петербурге, Москве. Но быстрый расцвет оказался недолгим.

В 30-е гг. XIX в. правительство в своей борьбе со старообрядчеством нашло метод. В 1834 г. было издано высочайшее повеление о том, что “браки раскольников, венчанные вне церкви, не могут признаваться за браки законные; к детям от таких браков не прилагаются гражданские законы о правах наследства”. В то же время видные представители общины стали тяготиться рамками пуританской морали. Остались свидетельства о том, что Ефим Федорович Гучков живет с “иноплеменной иноверкой из Польши”, его брат и жена ездят верхом, последняя “боком, с сигарой, в мужской шляпе и с сатанинским хвостом”. Купцы ели в посты мясо, курили сигары, играли на скачках, участвовали в “сонмищах антихристовых, называемых клубами”. Правительство учло эти перемены и начало атаку на Преображенское кладбище.

В 1847 г. богадельня была подчинена Приказу общественного призрения. Ужесточили проверку метрических свидетельств и фиктивные не принимали. Тогда Гучковы перешли в единоверие. В 1853 – 1854 гг. богадельни в Москве, Петербурге были окончательно секуляризированы, а Преображенское кладбище передано единоверцам. Главных руководителей кладбища репрессировали: С. Кузьмина сослали в Полтавский монастырь, Ф.А. Гучкова – в Петрозаводск, К.Е. Егорова – в Пензу (оба скончались в заточении. Тела их захоронены на Преображенском кладбище).

Однако этот разгром поморского центра не уничтожил общин, находившихся внутри империи. От разгрома уцелел поморский монастырь в Данилове Ярославской губернии, который стал рассадником наставников. Постепенное возрождение беспоповщины кроется в ее социальном составе. Хозяева всех крупнейших молелен – почти исключительно фабриканты. Преображенским кладбищем правил Ефим Федорович Гучков. Его отец имел в Москве ткацкую фабрику, при которой была крупнейшая молельня. Молельни держали фабриканты Прохоров на Трехгорке, Никифоров, Любушкины. Таким образом, можно говорить о том, что беспоповский торговый капитал пошел в конце 30-х гг. в промышленность и использовал религиозную организацию в целях набора дешевой рабочей силы.

В 20 – 30-е гг. XVIII в. от общин, пошедших на примирение с миром, отделилась группа поселений в Архангельской и Олонецкой губерниях. Эти поселения во главе с наставником Филипповым повели жестокую борьбу против выговской верхушки, особенно против Се-

мена Денисова. Оппозиция сначала пыталась исправить дело захватом власти и энергично агитировала за замену Денисова Филипповым. Не добившись желаемого результата в 1737 г., филипповцы предали выговцев проклятию и перестали им подчиняться. В противоположность поморцам, федосеевцы не хотели сходить со строго пуританской позиции. В этом они видели средство уберечься от кары на страшном суде.

Уставы общин превращали их в замкнутые крепкие организации. Но пуританство в вопросе о браке создало первый повод к расколу, и в середине XVIII в. от федосеевцев отделилась группа московских беспоповцев, не пожелавших жить по их правилам. По имени купца Артамонова отколовшихся прозвали артамоновцами. Они допускали венчание у православных священников, затем приносили публичное покаяние. Это был компромисс. Со временем выговская община под влиянием экономических обстоятельств превратилась в крупное торгово-промышленное предприятие на артелях началах.

В XIX в. Выговская община была разгромлена. Вскоре после поездки чиновника Хомутова в 1835 г. по Олонецкой губернии выговских поморцев сравнивали в части землевладения и налогообложения со всеми казенными крестьянами. С часовен сняли колокола, в монастыре было запрещено проживать молодым людям и устраивать модельни. В 1836 г. на Выг приехал генерал Дашков: была проведена проверка паспортов, вследствие чего большая часть скитников разбежалась. В 1837 г. были увезены все колокола и запечатаны часовни. В 1838 г. культ на Выге был фактически прекращен. Через 10 лет была проведена первая мера по экспроприации: у скитов были отняты все пашенные дворы и подсеки. В 1854 г. по приказу министра внутренних дел все строения были сломаны, а скитники выселены «на родину», в скитах оказалось всего около 300 человек. Разгром общины нанес огромный ущерб экономическому и культурному развитию края, русской культуре.

В своей идеологии филипповцы повторяли основные положения крайнего крыла раскола XVII в. Они отказались принять молитву за царя как антихриста, отказались примириться с миром. Дремучая тайга севера ставила их почти вне пределов досягаемости. Спасаясь от розысков, они передвинули свои скиты далеко на восток и северо-восток, вплоть до Устьяга. Только в 40-е гг. XVIII в. правительственные розыскные отряды иногда открывали поселения филипповцев, но

не могли никого вернуть «миру», так как появление солдат всегда служило сигналом к самосожжению. Федосеевцам удалось продержаться на своей непримиримой позиции вплоть до второй половины XIX в. Только тогда, когда север стал быстро втягиваться в мировой капиталистический оборот, они начали платить обычные повинности и сошли с крайних позиций.

В Ярославской губернии «беспоповцы, именуемые общим именем перекрещенцы, а также федосеевцы и филипповцы разбросаны по всем уездам»¹². Официальная статистика о раскольниках в губернии складывалась из данных приходских священников. Эти данные нельзя считать абсолютно достоверными. По ведомости о количестве раскольников и уклоняющихся от главных христианских обязанностей на 1848 г. в Ярославской губернии числилось 2 534 раскольника обоего пола¹³. В календаре Ярославской губернии на 1880 г. называется цифра 7 438 раскольников обоего пола и 3 883 единове́ра¹⁴.

После событий середины XIX в. беспоповщина становится мало-влиятельным явлением. Когда правительство Александра II легализовало в гражданском отношении старообрядцев, оно имело в виду поповскую церковь, представлявшую могучую организацию миллионеров. Свободное вероисповедание оставшиеся беспоповцы получили только по Манифесту 17 апреля 1905 г.

Одной из форм крестьянской борьбы было бегство от помещиков. В конце XVIII в. возрастает поток беглых крестьян и появляется новое направление в беспоповстве – страннический, или бегунский, толк.

Вопрос об основателе бегунского толка не решен. Н.И. Костомаров считал родоначальниками странничества неких ярославских федосеевцев Ивана и Андрияна. По мнению самих бегунов, их согласие возникло в Тверской губернии (иногда оно даже называлось «тверским»). Большинство исследователей считают, что у истоков согласия стоял Евфимий, беглый солдат, в прошлом переславский мещанин. Некоторое время он жил в Москве среди филипповцев, но

---

¹² Голубков В. Состояние раскола в Ярославской епархии и деятельность братства святителя Дмитрия // Ярославские епархиальные ведомости. 1885. Ч. неоф. № 22. Стб. 727.

¹³ Государственный архив Ярославской области (далее – ГАЯО). Ф. 230. Оп. 3. Д. 907. Л. 49.

¹⁴ Календарь Ярославской губернии на 1880 г. Ярославль, 1881. Приложение 1.

вскоре отошел от них, считая, что “незаписные” раскольники лицемерят, а “записные” отошли от истинной веры, так как находятся под властью антихриста. Он удалился в глухие пошехонские леса и приступил к разработке собственного учения, с проповедью которого выступил в 80-е гг. XVIII в.

Особое место в учении Евфимия занимал догмат о воцарении в “мире” антихриста. Бегуны, вполне православно толкуя Святое писание, усмотрели из него, что антихрист есть человек, царь. По их мнению, антихрист поочередно воплощался в русских царях, начиная с Петра I. Согласно его учению, царская власть – апокалипсический зверь, икона его – власть гражданская, тело его – власть духовная. Чтобы спастись и получить блаженство, нужно вступить в борьбу с антихристом. Но поскольку открыто с ним бороться нельзя, нужно «таиться и бегать», чтобы порвать все связи с обществом, уклоняться от всех гражданских повинностей.

Чтобы не подчиняться власти антихриста, бегуны прервали связь с гражданским обществом: они не записывались ни в какие ревизские сказки, не платили податей государству, не имели недвижимого имущества, паспортов, постоянного места проживания. При поимке сказывались не помнящими родства. Их учение допускало лишь употребление денег, так как, переходя из рук в руки, они не были принадлежностью конкретного лица. Всякий желавший вступить в странничество должен был принять новое крещение и получить новое имя. Евфимий выступал против брака, считая его греховнее «блуда». Подобное самоотречение и крайний аскетизм не получили широкого распространения ни в XVIII, ни в начале XIX в.

В целом же проповеди Евфимия нашли отклик, особенно в среде крестьянства и горожан. Поскольку мещане не могли выполнять долг странника целиком, их форма участия в секте была иной. Сочувствующие, но не желавшие уходить из мира принимались в секту в качестве странноприимцев, обязанных принимать бегунов. Когда такой человек смертельно заболел, родные были обязаны дать информацию в полицию о том, что он скрылся. Это обозначало формальный разрыв с обществом. Затем, если больной имел достаточно сил, он сам уходил или его уносили в соседний дом или в лес, где он и умирал настоящим странником.

Странноприимцы (или «бегуны мирские») устраивали свои дома специально для лучшего укрывательства странников с подпольями,

тайными входами и подземными ходами, ведущими в лес. В 20-е гг. XIX в. бегунство приобретает новую силу и широко распространяется. В 30 – 40-е гг. XIX в., когда странничество обратило на себя внимание правительства, были открыты целые бегунские деревни. Официальные цифры, конечно, не дают полной картины, но следственные данные обнаружили сосредоточение бегунов в северных и восточных областях, преимущественно по рекам: по бассейну Северной Двины, Волги, Камы, Иртыша и Оби вплоть до Томска. Более всего пристанодержателей было в Ярославской губернии – до 464 человек. В соседних губерниях – Костромской, Вологодской, Тверской, Новгородской – сотни.

Вместе с тем в этот период окончательный вид приобретает бегунская организация. Центр союза бегунов образовался в с. Сопелки Ярославской губернии в 15 верстах от Ярославля, сопелковская «пристань» стояла во главе всех великорусских и сибирских «пристаней». Каждая из них была автономной общиной со своим советом и судом, более важные дела переносились в Сопелки, где проходили бегунские съезды. Отношения между центром и местными общинами постоянно поддерживались бегунами, переходившими из «пристани» в «пристань».

подавляющее большинство бегунов составляли крестьяне, для которых бегство было едва ли не единственной возможностью освобождения от крепостной зависимости. И.С. Аксаков, посетивший губернию в 1848 – 1851 гг., писал: «Мы поймали, быть может, более 50 странников, и ни одного – в нищенском рубище; все одеты хорошо, даже богато и щеголевато. У них большие деньги, которые раздают по братии наставники»¹⁵.

Вместе с организацией развивалась и идеология бегунов. Выборные наставники в «пристанях» избирались из грамотных и начитанных людей, поэтому новые течения бегунской идеологии дошли до нас закрепленными в писаной форме. Новые элементы идеологии вращались вокруг вопроса о том, как выйти из создавшегося положения. Как учили первые апостолы бегунства, странничество – временный режим, который нужно практиковать, пока нельзя вступить в открытую борьбу с антихристом. Между тем время шло, а сигнала к борьбе не было. На эти вопросы отвечало «Разглагольствие тюмен-

---

¹⁵ Аксаков И.С. Письма из провинции. М., 1991. С. 344.

ского странника», написанное Василием Москвиным. Автор заявлял, что бороться с антихристом до времени открытой силой нельзя, но время уже близко. По его мнению, уже виден «дух искупителя», сходящего с неба, на белом коне; столицей нового царства бегунов станет Новый Иерусалим у Каспийского моря. Таким образом, клич был дан, и бегуны потянулись к морю, в астраханские степи.

В то же время в «Разглагольствии» не решался вопрос об устройстве будущего царства. В Ярославской губернии наставник Василий Петров из Костромы выступил с проповедью коммунизма. Он громил собственность, в особенности денежные капиталы. Пользуясь властью главы «пристани» он обращал личное имущество странников в общее достояние общины. Эти действия характерны как показатель новых веяний, которые наиболее полно отразились в идеологии других сект – духоборов и молокан.

В бегунстве заключается давнее явление русской жизни. С постепенным исчезновением таких старинных «убежищ», как Северная Украина или Дон, беглецам оставалось либо уходить в далекие дебри Приуралья и Сибири, либо переходить в странничество. Возведение странничества в религиозный догмат давало почву для создания крепкой организации, которая оказалась прочной и жизнеспособной.

Старообрядчество было отнюдь не единственной религиозной формой, в которой выразился социальный протест оппозиционных слоев русского общества. В XVII в. на Руси возникло сектантское движение, которое в последующие два столетия становилось одним из примечательных явлений русской жизни.

“То, что русский народ не равнодушен к духовным вопросам, достаточно доказывается тем, что у нас ежегодно возникают новые секты”, – писал Владимир Соловьев в 1898 г.¹⁶ К тому времени русское сектантство насчитывало двухсотлетнюю историю. Наивысший расцвет этого явления пришелся на синодальный период в истории русской церкви, что объясняется влиянием иностранных исповеданий после реформ Петра I.

Наиболее распространенными сектами в народе были хлыстовщина, скопчество и духоборство. Сначала появилась секта, известная под именем хлыстовской. В дальнейшем от нее отделилось скопчест-

---

¹⁶ Цит. по: Смолич И.К. Указ. соч. С. 166.

во и так называемое духовное христианство, последние, в свою очередь, разделились на духоборчество и молоканство.

О хлыстах, появившихся в XVII в. после раскола церкви, церковные власти узнали лишь в 1732 г., скопчество возникло во второй половине XVIII в., тогда же появились и духоборы. “Хлысты” – название, данное сектантам православным духовенством. Основой являлось то, что, по вероучению сектантов, их приверженцы являются “христами”, живым воплощением Христа. Иначе секту называют христовской, а ее членов – христами.

Основателем хлыстовства считается костромской крестьянин Даниил Филиппович, в “пречистую плоть” которого в 1645 г. вселился сам Саваоф. Христос, согласно учению хлыстов, продолжил путь, перевоплощаясь из одной человеческой оболочки в другую. Первым воплощением, по их мнению, явился муромский крестьянин Иван Суслов, которого Даниил Филиппович объявил своим сыном.

Архимандрит угличского Покровского монастыря в 1717 г. доносил Ростовскому епископу Досифею, что в вотчине Воскресенского монастыря в д. Харитоново в доме крестьянина Еремея Бурдаева поймано 11 раскольников м.п. и 10 – ж.п., в том числе московский отставной стрелец Прокопий Лункин, называвший себя Христом.

Первое официальное дело о хлыстах относится к 1716 – 1717 гг. Тогда был арестован “христос” Лункин, сосланный после бунта 1689 г. в Нижний Новгород. Стало известно, что он держал “корабль”, т.е. общину в д. Харитоново, где проживал 21 крестьянин. Следующее упоминание о секте относится к 1725 г., когда стало известно о появлении на Дону Христа Агафона (из казаков) с 12 апостолами и богородицею. Новое дело о хлыстах возникло в 1732 – 1733 г., в итоге 3 человека были казнены, 116 биты кнутом и сосланы в Сибирь и отдаленные монастыри. Однако столь суровые меры не остановили распространение секты.

В 1745 г. по доносу в Москве возникло дело о хлыстах, затянувшееся до 1752 г. Следствие открыло ряд хлыстовских общин не только в Москве, но и в Петербурге, Ярославле, Владимире, Костроме, Нижнем Новгороде, Тамбове, Пензе, Твери и Вологде. По делу было привлечено 416 человек, в числе которых 68 монахов, 7 беглых клириков, 17 мещан и купцов, 284 крестьянина, 1 дворянин и 33 лица “неизвестных званий”. В качестве “главного начальника” привлекался московский купец Сапожников, а в качестве Христа – юродивый

Андрей Петров. Дело закончилось тем, что 62 “учителя и пророка” были наказаны кнутом и сосланы на принудительные работы, монахов разослали по дальним монастырям, крестьян частью сослали, частью отдали в солдаты. Со времени Петра III и Екатерины II преследования хлыстов прекращаются, секте была предоставлена относительная свобода.

Социальная база хлыстов почти с самого возникновения была неоднородна. Возникнув в крестьянской среде, секта очень быстро проникает через оброчных крестьян в города. Дворцовые крестьяне разносили секту по монастырским деревням.

Пестрота составных элементов хлыстовства отразилась на идеологии секты. Новое откровение двенадцати заповедей Даниила содержало практические правила элементарной морали: запрещение краж, блуда, пьянства и предписания о дружбе, гостеприимстве и молитве. Характерно, что все это – типичные требования бюргерской морали. Крестьянину они чужды и не нужны, но на их строгом соблюдении строил успех своего накопления крестьянин в городе. Хлысты верили “духу”, который сходил на сектантов во время их радений, открывал истину и давал блаженство.

Предмет страстных желаний и всех помышлений для хлыстов – седьмое небо, где в образе доброго барина и доброй барыни живут Бог и Богородица. Практика хлыстов заключалась в том, чтобы терпеть и отдыхать только на радениях, где человек получает земную радость, предвосхищая небесное блаженство. Первоначально духовная радость приравнивалась к вхождению в человека “духа” и достигалась простым верчением по кругу, мистическим хороводом. Но с течением времени хлыстовское радение стало своеобразным обрядом, происходившим по определенному чину.

Акты следственной комиссии 1732 – 1733 гг. содержат сведения об обрядах хлыстов. После трапезы собравшиеся соединялись на лавках, мужчины и женщины друг против друга, под председательством «оной прелести предводителя ... кормщика или кормщицы “корабля”». Предварительно все переодевались в белые, “радельные” рубашки. После протяжной вступительной песни все парами пускались в быструю пляску с пением, переходившим под конец в дикие выкрикивания; некоторые били себя жгутами, палками, цепями. Эта процедура приводила людей в состояние религиозного экстаза, и на-

ступал момент внешней “духовной радости”: некоторые падали в полубморок и начинали выкрикивать пророчества.

Эта картина радений рисует хлыстовский обряд в тех же чертах, какие свойственны экстатическим обрядам в других религиях и сектах.

Центр тяжести обрядов заключался в пророчествах, дававшихся отдельными членами “корабля”, здесь и открывалась для “кормщиков и пророков” возможность гипнотизировать участников радений и направлять их поведение по своей воле. Частные пророчества всегда заканчивались словами: “Вот тебе от бога указ”, а содержание “указа” было всегда совершенно конкретным.

Рассматривая социальную организацию хлыстов, необходимо отметить, что первые хлысты, Суслов и Лупкин, были лавочниками, к началу XIX в. один из “кораблей” в Москве был в доме купца Касьянова, другой – в доме купца Осипова, а членами общин были приказчики хозяев и крестьяне-отходники. В Петербурге первый “корабль” был организован купцом Чуркиным, бежавшим из Москвы после процесса 1732 г. В его общине богородицей стала его сожительница Авдотья Прокофьева, а среди членов “корабля” – рабочие его мастерской и приказчики. Но самым характерным по составу был “корабль” московского купца Сафьянникова: сам он был кормщиком, а пророком – один из его приказчиков. Несомненно, что такая ситуация не была исключением.

В конце XVIII в. хлыстовство было широко распространено среди крестьянства, особенно Орловской и Тамбовской губерний. Оживление деятельности секты наметилось в начале XIX в. Новые христы – Аввакум Копылов из тамбовских крестьян и Савицкий. Последний пророчествовал в Подольской губернии. Они не оставили заметных следов в истории секты.

Наиболее оригинальным и заметным был Радаев из арзамасского “корабля” Нижегородской губернии. Начитанный и образованный, он знал Писание, был знаком с учением мистиков и первым попытался дать теоретическое обоснование хлыстовской доктрине о духе и духовном откровении. Таким образом, его можно считать первым хлыстовским богословом. Характерная черта его учения заключалась в том, что Радаев отвергал коллективные способы получения откровения и выдвигал индивидуальную работу над собой. Подлинный хлыстовец должен быть самоотверженным и отречься от всего земного и

небесного. В реальной жизни это свелось к эксплуатации материальных средств членов общины.

Согласно учению, рядовой хлыстовец должен беспрекословно исполнять все требования “духовно воскресшего”: “идти с ним, куда он пошлет, и велит что сделать, делай без размышления; что потребует от твоей собственности – без сожаления подавай” и т.д. В Арзамасской общине Радаев царствовал безраздельно. Но в итоге оказался под судом, в 1856 г. был заключен в тюрьму. Затем отправлен в ссылку, где и умер.

В 60-е гг. XIX в. для хлыстов наступил поворотный момент. Были выдвинуты новые задачи и новые идеи в религиозной жизни. Хлыстовство быстро теряет прежнее значение. Многие “корабли” на юге перешли в другие секты, раздробились. Сохранившая свое название хлыстовская организация держалась в 90-е гг. и даже в начале XX в. преимущественно в Тамбовской и Саратовской губерниях и на Северном Кавказе.

Таким образом, хлыстовщина была организацией накопления и использования дарового труда – черта, получившая законченное развитие в скопчестве, выделившемся из хлыстовщины в 70-е гг. XVIII в.

Скопчество (от лат. *castratio* – оскотление). Уже в связи с делами 1732 – 1733 гг. о хлыстах появились слухи, что кормица в Ивановском монастыре монахиня Анастасия производила оскотления, но следствие факты не подтвердило. Впервые массовое оскотление было обнаружено на процессе 1772 г. Этот год и считается датой основания секты.

Первым проповедником и «мастером» оскотления был беглый помещичий крестьянин генерала Апраксина Севского уезда Андрей Иванов Блохин. Он бежал из села в 14-летнем возрасте и ходил с нищими по миру 6 лет. Случайно встретился с хлыстовскими «учителями» и перешел в их секту. В Орловской губернии привел в исполнение идею о необходимости оскотления. К подобной мысли он пришел путем собственных страданий. Сам Блохин не мог преодолеть влечение к женщинам «даже самым жестоким бичеванием» и решил «оскотлением вожделения сего избавиться». Он собственноручно оскотился, его примеру последовал его товарищ, беглый нищий Кондратий Трифонов (он же Трофимов, Селиванов).

Со временем они начали проповедовать оскотление среди хлыстов соседних деревень. В короткое время Блохину удалось оскотить более пятидесяти крестьян. Тем временем Кондратий Селиванов ушел на север, где поселился на полотняной фабрике купца Лучинина и оскотил несколько рабочих.

Эти события стали известны правительству, когда одна из крестьянок рассказала священнику на исповеди, что ее муж видел оскотленного человека. В ходе следствия было обнаружено 60 человек, из которых 27 скрылись. В соседнем районе обнаружили хлыстовскую общину (246 человек). Специальная комиссия, высланная в Орловскую губернию, приговорила Блохина к публичному избиению кнутом и ссылке на вечную каторгу в Нерчинск, двое других сектантов отправлены на работы в Ригу, а прочих, как «простаков, слепо повиновавшихся безумству наставников», комиссия отпустила под «смотрение» помещиков и заводчиков. Кондратий Селиванов бежал, был найден и сослан в Сибирь только в 1774 г.

Идеи скопцов встретили поддержку среди буржуазных элементов хлыстовщины. Из 18 крестьян, привлеченных по делу 1772 г., 13 принадлежали к разряду богачей. Их «корабли» поддерживали связи с орловскими общинами купцов Стебакова и Душенина, от них приезжал «наставник» Павел Петров. Не случайно Селиванов нашел прибежище на фабрике Лучинина, поскольку именно он был основателем первой общины в Москве. Так, вместе с появлением скопчества хлыстовство начинает распадаться.

Новый император, Павел I, вызвал Селиванова в Петербург и как сумасшедшего отправил в богадельню. Скопцы взяли его на поруки, в царствование Александра I он долгое время жил в Петербурге и проповедовал. В начале XIX в. скопчество стало специфической религией купцов, фабрикантов. В это время скопчество выступает как самостоятельное оригинальное явление со своей идеологией и определенным социальным составом последователей.

В 1802 г. Селиванов обратился в секту камергера императора Еянского, в прошлом – камергера последнего польского короля Станислава Лещинского. В 1804 г. Еянский выступил со своим проектом «О божественной канцелярии», который содержал политические мотивы: императору предлагалось передать управление империей в «хрустальные сосуды в руках царя», т.е. скопцам. Предлагалось ос-

новать «небесную канцелярию», а империю разделить на «корабли», во главе их должен встать Селиванов и давать советы императору.

Следовательно, речь шла об установлении в России «теократического образа правления». Скопцы предлагали себя на службу государству, для чего вся Российская империя должна переустроиться по их указаниям. Скопцы должны были стать секретными советниками и руководителями всех отраслей управления, военного и морского дела. Елянский должен был представлять кандидатов в тайные советники, в особую канцелярию, а правительство – передавать их архиереям для пострижения в монахи и обучения церковной службе. Таким образом образовывались бы кадры иеромонахов, из которых и будут призываться советники и руководители. Безопасность и благоденствие, по мнению автора, зависели от осуществления этого проекта.

Правительство, однако, не оценило этого сочинения и сочло Елянского сумасшедшим. Он был заключен в монастырскую тюрьму. Тем не менее имя Селиванова пользовалось успехом. В 1809 г. его посещал император и спрашивал мнения об исходе войн с Наполеоном. Скопцы открыто собирались у Селиванова для молитв.

Лучшее время для скопцов закончилось в 20-х гг. С одной стороны, социальная роль скопчества уже подходила к концу, с другой – скопческие руководители начали действовать такими средствами, которые заставили правительство сменить милость на гнев. Именно в 1818 – 1819 гг. началась усиленная пропаганда скопчества среди петербургского гарнизона. Стали проводиться массовые оскпления среди солдат, обнаружился интерес к секте и в среде офицеров. Правительство приняло меры.

В 1820 г. Селиванов был арестован и сослан в Суздальский монастырь, где и скончался в 1832 г. После разгрома скопцы на время притихли. Но вслед за династической смутой 1825 г. прибегли к прежним средствам. Они провозгласили одного из пророков, Алексея Громова, «апостолом отца-искупителя» и «цесаревичем Константином Николаевичем». Громов утверждал, что он «и полдня не хотел царствовать и передал всю земную справу братцу Николашке». Однако Громову не удалось сделать карьеру. Жизнь его прошла в арестах, ссылках и побегах.

Правительство Николая I начало поход против скопцов, завершившийся в 1834 г. объявлением скопчества особо вредной сектой. В 1842 г. за оскпление была назначена каторга, эта мера наказания со-

хранилась в Уголовном кодексе до конца империи. Первое время скопцы еще боролись против ударов правительства, но их внутреннее ослабление шло неудержимыми темпами. После 1864 г. состоялось множество судебных процессов против скопцов, самый крупный из них – 1886 г., когда перед судом предстали 136 обвиняемых, действовавших в Таврической губернии. Все эти процессы завершились приговорами к ссылкам и каторжным работам. Только в начале XX в., когда другие спиритуалистические секты переживали расцвет, эта секта стала отмирать.

Спиритуалистические секты, существовавшие в России, отчасти находились под влиянием протестантизма и вобрали в себя его рационалистические, мистические и либерально-критические черты¹⁷. Их возникновение представляется закономерным следствием сближения России с Западом и контакта с европейской мыслью, сильно будоражившей русские умы. Спиритуалистические секты отрицали авторитет православной церкви и ее культ, искали истину в индивидуальном толковании Священного писания то в рационалистическом, то в спиритуалистическом ключе.

Некоторые секты были русскими ответвлениями собственно протестантских сект. Их учения часто совпадали с социально-критическими и социально-этическими исканиями, которые были исключительно живучими во всех слоях русского народа. Образование сект было не столько следствием критического отношения к церкви, сколько результатом поиска социальной правды, исключением были хлысты.

Первой по времени возникновения спиритуалистической сектой была секта духоборцев. Они появились во второй половине XVIII в. в Екатеринославской губернии и были названы духоборцами Екатеринославским епископом Амвросием Серебрянниковым (1786 – 1792), который усмотрел в их учении борьбу против Святого Духа, тогда как простой народ часто называл их из-за отказа от почитания икон иконоборцами. Основателем этой секты считается Силуан Колесников из деревни Никольское Екатеринославской губернии, начитанный в Библии и, возможно, также в мистической литературе.

Переданное губернатору в 1791 г. «Духоборческое исповедание» содержит очень интересное обоснование возникновения этой секты: «Мы родились, и над нами без всякого согласия совершили внешние

---

¹⁷ Цит. по: Смолич И.К. Указ. соч. С. 324.

христианские обряды, как и теперь совершаются над нашими детьми. Мы росли, выросли, а некоторые из нас постарели и при этом всю жизнь свою ходили в церковь, но что в результате? Сказать по правде, мы только скучали, когда стояли, нисколько не понимая трудный и непонятный текст книг, который к тому же слишком громко и поспешно пелся. Вот так приводят миллионы душ к Богу. От стояния в храмах дух наш нисколько не приходил к осознанию самого себя, сущности Бога и Его святой воли. Вот так мы и жили в слепоте, от которой и до сих пор не ушли, без покаяния, как и многие чада мира сего, в тенетах зла». Учение Силуана Колесникова (которого «Духоборческое исповедание» называет Степаном) довольно неясное и запутанное. Из «Катехизиса» и «Животной книги духоборцев» можно узнать следующие основные черты этого учения: есть единый Бог, всемогущий творец мира, искупитель людей, наказующий грешников и награждающий за праведность. По своей сущности он дух – дух силы, дух правды и дух воли. В мире отец проявляет себя как свет, сын - как жизнь и жизненная сила, дух - как мир. В человеке троица проявляется иначе: отец как память, сын как разум, дух как воля. Душа существовала до сотворения мира и уже тогда пережила свое первое грехопадение, которое принудило ее появиться в образе человека. Грехопадение Адама явилось вторым, и это падение продолжается, если находящийся в мире человек не ищет бога.

Спасение, по мнению духоборов, приходит через богопознание и нравственную жизнь. Первородный грех и искупительное страдание Христа на Кресте не имеют значения. Существует лишь одно воскресение духа, а не плоти, при котором грешники отторгнутся от лица вечного мира. Церковь, культ, таинства и иерархия не нужны, истинная церковь состоит из избранных без различия конфессий. Самым важным для отдельного человека являются покаяние, внутреннее оправдание, любовь к ближнему, воздержание и нравственное совершенство. Колесников буквально учил, что господь наш из любви к человеку хочет и требует от людей, только чтобы мы отступили от змея, соблаздившего Еву, от злой воли нашей плоти и чтобы мы дали ему доступ к нам, дабы он претворил наше тело и наш дух в совершенное подобие его сущности¹⁸.

---

¹⁸ Цит. по: Смолич И.К. Указ. соч. С. 326.

В последней четверти XVIII в. это учение успешно распространял Иларион Побирохин, купец из Горелова Тамбовской губернии, избравший себе 12 «архангелов» – помощников и открыто выступавший против православной церкви. Анонимное донесение о духоборцах-молоканах 1805 г. содержит подробности о критике сектантами таинств и богослужения церкви. После того как власти сослали Побирохина в Сибирь, страстным проповедником духоборчества выступил бывший капрал Савелий Капустин, имевший большой авторитет как знаток Священного писания.

В конце XVIII в. духоборцы появились уже в Екатеринославской, Тамбовской, Саратовской, Харьковской, Астраханской, Пензенской и Воронежской губерниях, на Дону, в Риге и в Западной Сибири. Александр I в 1801 г. своим манифестом дал амнистию пострадавшим за религиозные убеждения. В 1802 г. последовал указ, согласно которому для духоборов отводились пустопорожные места по реке Молочной в Мелитопольском уезде. Это и были так называемые Молочные Воды, куда переселились все духоборы из Екатеринославской, Харьковской и Тамбовской губерний, туда были отпущены и ссыльные, в том числе сын Силуана Колесникова Кирилл.

Духоборам дали по 15 десятин земли на душу, освободили от податей на 5 лет и выдали подъемные деньги по 100 рублей на семью с рассрочкой на 30 лет. Среди этих поселенцев был и Капустин. Провозгласив поля и все имущество общим, он присвоил право распоряжаться им себе как владыке «Духобории» – так стали называть духоборы свою общину. Число «граждан» неуклонно возрастало вследствие притока новых поселенцев: в 1827 г. по официальным данным здесь было 9 слобод и около 4 тыс. жителей, имевших в своем распоряжении около 50 тыс. десятин земли. В течение первых 10 лет существования общины достигли огромных хозяйственных успехов. Их коневодство считалось образцовым, разводили и овец. В слободах были устроены сукновальни и ткацкие полотняные мастерские.

После посещения общин Александром I в 1818 г. поступило предложение ввести на молитвенных собраниях поминовение императора. Против этого выступили массы духоборов. Воспользовавшись ситуацией, правительство Николая I начало разгром общин. По повелению императора в 1836 – 1839 гг. было проведено исследование

секты, и в результате в 1842 г. ее причислили к «вредным»¹⁹. В 1841 г. началось переселение духоборцев в Закавказье, в Ахалцыхский округ. Здесь новыми учителями выступили Петр и Лукерья Калмыковы и позже Петр Веригин; последний пытался под влиянием взглядов Льва Толстого реформировать секту.

Из Сибири, куда его выслали, он в 1896 г. прислал план реформы и предложил, между прочим, переименовать секту в христианскую общину всемирного братства: «Мы считаем всех людей нашими братьями». В основу реформы он положил 10 пунктов. В четвертом пункте говорится: под Богом члены общины понимают силу любви, силу жизни, давшую начало всему сущему. Из-за преследований духоборцы с 1898 г. начали переселяться из Закавказья в Канаду, куда уехал и Веригин. Но они и там не нашли спокойного пристанища из-за постоянных конфликтов с властями, которые считали жизнь по учению Толстого неразумной и противозаконной аномалией.

Правда, в Закавказье после манифеста от 17 апреля 1905 г. о свободе совести условия жизни сектантов в корне улучшились, однако со временем секта стала быстро распадаться, охваченная разочарованием. Среди сектантов нашлись люди, которые, как пишет Бонч-Бруевич, после посещения их поселков, «пройдя через все мытарства жизни духоборцев, познавши близко и их историю, и быт, и нравы, и учение, подвергли жестокой самобичующей критике все духоборческое установление. Пришли к заключению о необходимости порвать со всем сектантством вообще и, освободившись от своеобразно истолковываемой христианской идеологии, зажили простой жизнью более или менее просвещенных, скептически настроенных крестьян-фермеров»²⁰.

Сразу же после возникновения секты духоборцев от нее под влиянием зятя Побирохина Семена Уклеина откололись молокане. Уклеин обвинил своего тестя в подрыве авторитета Библии как источника истины и ушел в Тамбовскую губернию, чтобы там проповедовать. В своих отчетах Тамбовская консистория в 1765 г. назвала все различные распространенные там секты молоканами, так как узнала, что эти секты отвергают церковные установления и пьют в пост молоко, это название сохранилось впоследствии за сектой Уклеина.

---

¹⁹ ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 25. № 19097; Т. 27. № 20.

²⁰ Цит. по: Смолич И.К. Указ. соч. С. 336.

Во время одной из процессий с пением псалмов в Тамбове Уклеин с сопровождавшими его был арестован и посажен в тюрьму, Екатерина II приказала передать ересиарха духовным властям, чтобы вернуть его в православие. После своего мнимого покаяния и освобождения около 1789 – 1790 гг. Уклеин снова с большим успехом продолжил свою проповедь в Воронежской губернии, вскоре секта распространилась в Воронежской, Саратовской, Екатеринославской и Астраханской губерниях, на Дону и на Северном Кавказе.

Уклеин провозгласил идеалом первоначальное христианство, не искаженное соборами. Он не отрицал таинств, постов, отверг только монашество и внешний храмовый культ с его крестами, иконами, мощами. Зато по отношению к государству и обществу Уклеин провозгласил такую же непримиримую позицию, как духоборы. Он говорил, что все люди равны, военная служба и присяга – богопротивные действия. Эта проповедь собрала массу последователей, с ними Уклеин организовал первую общину, вторая появилась на Иргизе в 1830-е гг.

При Александре I меры против молокан были смягчены, и в 30-х гг. XIX в. приверженцев этой секты было очень много в Тамбовской и Саратовской епархиях. Тамбовский епископ Арсений Москвин подал Святейшему Синоду в 1839 г. особую записку «О молоканах и других сектах в Тамбовской епархии», среди них с успехом миссионерствовал Саратовский епископ Иаков Вечерков. В 1842 г. эту секту причислили к «вредным», и, как обычно бывало в таких случаях, гонения со стороны государства лишь способствовали распространению секты.

Основой ее учения является Библия в собственном истолковании, в соответствии с которым основанная Христом церковь существовала лишь до периода Вселенских Соборов IV в., когда последние неправильно истолковали Библию. Молокане хотели восстановить подлинную Церковь, покоящуюся только на Священном писании.

Существовало у молокан свое учение о таинствах с особыми обрядами, которым придавалось символическое значение, – причастием и миропомазанием. Таинства совершались учителями, также называвшимися пресвитерами; собрания происходили с особой торжественностью в помещении без украшений и без окон, молитвы пела вся община в подражание богослужениям апостольских времен. Толки секты отличались друг от друга в разных местах по учению и обря-

дам, причем на Дону при совершении крещения, евхаристии и миропомазания близко держались таинств православной церкви.

Со второй четверти XIX в. распад на толки ускорился. После приема в Самаре в секту Семена Долматова, который до того руководил одной жидовствующей сектой, Уклеин ввел Моисеевы запреты в пище (на свинину и частично на рыбу), сделал их обязательными для молокан, не известив об этом своих приверженцев в Мелитополе. Споры молокан из Самары с молоканами Мелитопольского уезда привели к отделению группы жидовствующих, которая придерживалась Моисеева закона и праздновала субботу вместо воскресенья. Эта группа получила название субботников. Существовали и воскресники, которые отличались от субботников тем, что праздновали воскресенье. Наконец, внутри секты образовались также мистические течения типа хлыстовства.

В конце XIX в. в Таврической губернии Исаия Крылов и его последователь Маслов расширили обряды Уклеина, сблизив их с церковными обрядами. Ученик Маслова Саламатин занес в конце 20-х гг. XIX в. эти новшества на Дон, где они получили дальнейшее развитие в так называемом донском толке. Члены его именовались «евангелическими христианами», они признавали военную службу и молитву за императора. Н. Ивановский считал, что молокане донского толка, называвшие себя евангелическими христианами, из всех рационалистических сект наиболее близки к православной церкви.

Особое место среди молокан занимала секта общих, или «общей веры», которую основал крестьянин Самарской губернии Михаил Попов в 20-х гг. XIX в. Около 1833 г. он сочинил «Вероучительный устав общего учения», или «Исповедание общей веры» для молокан.

Руководство сектой осуществляла правящая коллегия под председательством судьи, которой беспрекословно подчинялись все члены секты; согласно Попову, толкование Библии является прерогативой учителей и судьи. Собственность была коллективной, общины жили религиозными коммунами. После смерти Попова в сибирской ссылке (1877) дело его продолжал Денис Щипилов. Около 1900 г. в Ленкоранском уезде в Закавказье в коммуне насчитывалось 645 домов, тогда же в Новоузенском уезде Самарской губернии членами этой секты были более 800 человек. Они не отличались от воскресников вероучением, но имели иное социальное устройство.

Особенность секты общих состояла в том, что свои социально-правовые воззрения, которые в более или менее расплывчатой форме присутствовали в учениях духоборцев и молокан, они довели до логического и практического завершения. Следует также учесть, что с 90-х гг. XIX в. все заметнее становилось влияние на обе секты учения Льва Толстого.

«Сейчас народ жаждет не просвещения, а освобождения, в самом широком значении этого слова, освобождения личности вообще от опеки человеческой», – говорил вождь духоборцев П.В. Веригин в конце 90-х гг. Под «человеческой опекой» он подразумевал в первую очередь государственную власть с обязанностями, которые она налагала на граждан, прежде всего воинской повинностью. Поскольку император не молоканин, учила секта, он не имеет права требовать послушания, придет время, когда Бог даст молоканам собственного царя, а пока Бог поставляет власть только для чад мира сего. Праведнику не нужен закон, а для христиан, которые не от мира сего, светские власти излишни, ибо христиане живут по заветам Христа. Отказ от военной службы, а также бегство крепостных от хозяев были частым явлением у духоборцев и молокан уже в конце XVIII в.

После указов 1905 – 1906 гг. обе секты были легализованы. Молокане основывали кооперативы, общества взаимопомощи и просветительские, а также издательства, выпускавшие в свет религиозную и научно-популярную литературу; после 1905 г. происходили съезды молокан. Однако вся эта деятельность отражала не расцвет, а внутренний упадок секты, которая подпала под влияние штундизма и баптизма, как это видно из так называемых «евангелических» периодических изданий.

В молоканстве было также и мистическое течение. Уже при Александре I среди молокан Саратовской губернии появился беглый солдат Сидор Андреев, выдававший себя за пророка. Он учил, что Бог скоро пошлет молоканам нового искупителя, который соберет их в раю на горе Арарат. В начале 30-х гг. в Мелитополе пророчествовал Никита Иванов, говоря, что тысячелетнее царство на горе Арарат начнется в 1836 г. Начало тысячелетнего царства в 1836 г. подтвердил и Терентий Беловзоров, выдававший себя за пророка Илию. В 1836 г. явился Лукьян Петров и объявил себя «Христом». Он ратовал за уже начавшиеся исходы молокан на Кавказ и ввел на собраниях обряд прыгания, якобы в подражание Давиду, для снискания проро-

ческого духа. Так в среде молокан возникла секта прыгунов, которые, как и жидовствующие, чтили субботу вместо воскресенья и праздновали еврейскую пасху. На Кавказе к ним присоединились члены секты общих, которым была не по душе «коммунистическая» организация секты; входили в секту также армяне-мусульмане. В 1908 г. русские миссионеры насчитывали примерно 9 000 прыгунов.

Духоборство и молоканство были типичными проявлениями коммунального сектантства в период разложения крепостного права. От бегунства эти организации отличались тем, что они пытались бороться не только пассивным уходом от общества, но и активным образом – путем создания в среде государства организаций-коммун.

Таким образом, в период XVIII – XIX вв. в истории религиозной жизни Российской империи зарождались и уходили из общественной жизни разнообразные толки и секты. Начало этому процессу положил раскол Русской Православной церкви, в результате чего из нее вышли староверы, отдельные течения которых существовали вплоть до начала XX в. Тесные связи с Западной Европой привели к росту интереса русской общественности к религиозным исканиям за рамками православной церкви. Духовные искания тесно переплетались с движением против государственных установлений, эксплуатации, социально-экономического уклада.

ГЛАВА 3

Борьба церкви и государства с противоцерковной оппозицией

Инициатива в борьбе с расколом находилась в руках правительства. Позиция правительства в отношении раскола, а также сами меры противодействия на протяжении рассматриваемого периода менялись. Со времен правления Петра I началась борьба правительства с расколом, борьба, сопровождаемая жестокими гонениями и репрессиями. В Духовном регламенте спрашивалось: «Русские раскольники не от грубости ли и невежества толь жестоко возбесновалися?». Такое понимание старообрядчества определяло и соответствующие формы борьбы с ним. В начале XVIII в. в качестве главной меры воздействия на массу старообрядцев закон выдвигал на первый план убеждение, словесное состязание, в результате которого раскольники, удостоверившись в своей неправоте, должны были отказаться от борьбы с официальной церковью.

Диспуты со старообрядцами проводили многие епархиальные начальники: в новгородской епархии митрополит Иов, в холмогорской – архиепископ Рафаил, в ростово-ярославской – митрополит Дмитрий (Даниил Туптало) и другие. Было написано много противораскольнических сочинений, из которых наиболее крупным было писание Дмитрия Ростовского (1709) под названием «Розыск о раскольнической брынской вере, о учении их, о делах их и изъявление, яко вера их неправа, учение их душевредно и дело их не благоугодно». Свой опыт полемической борьбы с расколом литературно оформили и другие служители церкви. В литературную полемику включались и гражданские лица: например, известный публицист И.Т. Посошков написал «Зеркало ... на суемудрия раскольпича».

В целом попытки вразумить непокорных «невежд» не приводили к сколько-нибудь существенным результатам. Были случаи, что обличители раскола терпели поражение на диспутах и впоследствии уже опасались вступать в полемику.

После образования Синода и в соответствии с программой Духовного регламента делу обличения «раскольничьих ересей» намере-

вались придать особенно широкий размах уже не только в епархиальном, но и в общегосударственном масштабе. В феврале 1722 г. было напечатано «Объявление» от Синода с приглашением раскольников явиться к определенному сроку для рассуждения о вере. Синод уверял расколоучителей, что они могут иметь «по объявлению мнения своего голос свободный», что Синод «не намерен никаким образом оных (то есть старообрядцев) удерживать и озлоблять». В том же то-не было написано и «Увещевание», распространявшееся вместе с «Объявлением». Его авторы старались доказать, какой вред «есть человеку, не учену сушу, не требуя от искусных наставления, самоволием избирать мнение». Эти воззвания, как и новое «Увещевание к православным христианам», написанное Феофилактом Лопатинским и распространенное в январе 1725 г. по епархиям от имени Синода, не дали почти никаких результатов.

Малоуспешными были также и специальные миссии, которые отправлялись в главные центры старообрядчества для обращения раскольников. В качестве миссионеров использовались лица из обращенных старообрядцев во главе с нижегородским епископом Питиримом, как лучше всего осведомленные в старообрядческой догматике. На миссионерскую деятельность правительство и церковь возлагали большие надежды. Но осуществленные опыты оказались неудачными. Так, «раскаяние» нижегородских староверов, полученное с помощью преследований и острой полемики с Питиримом, оказалось фиктивным, подстроенным в своекорыстных целях самим миссионером. В 1721 г. предполагалось послать миссионеров во многие городские центры старообрядчества, в том числе в Калугу, Вязники, Ржев, Тверь, Торжок. Это решение не было реализовано, так как в распоряжении Синода не оказалось для этого «надежных» людей.

Отметим, что старообрядцы, объясняя по-своему правительственные указы, стремились максимально отграничиться от официальной церкви и администрации. Они весьма неохотно шли на словесные состязания, во многом из-за того, что знали по опыту, насколько была фактически ненадежна провозглашенная «свобода мнения». Каждое выступление на диспуте в защиту старой веры могло быть истолковано как строго наказуемая пропаганда «раскольничьей ереси».

Официальные постановления дают представление о том, что действительно происходило на местах. Обычно исполнители царских указов, желая выслужиться или в расчете получить материальную

выгоду, значительно усиливали наказания, возлагавшиеся на «отступников» от догматов официальной религии.

Заметим, что законные меры были достаточно суровы. По воинскому уставу 1716 г., предписаниями которого руководствовались при рассмотрении уголовных преступлений, за всякое «богохульство» полагалась мучительная казнь. Признание в высказанном сомнении о догматах веры вырывалось от подсудимого или свидетеля пытками – избиением кнутом, поднятием на дыбу и т.д.

Поскольку диспуты со старообрядцами почти ни к чему не приводили, в борьбе с ними правительство и православная церковь применяли гораздо более свойственные государству административные меры воздействия.

В 1716 г. было предписано взимать со всех старообрядцев, кроме живущих в пограничной местности, государственные подати в двойном размере, а с незамужних женщин – половину этой платы. В обнаружении старообрядцев активная роль принадлежала священникам, которые должны были доносить властям обо всех, не приходящих на исповедь. С момента издания указа 14 февраля 1716 г. давался месячный срок для «добровольной» записи в раскол, «а буде во оный срочный месяц кто в покорении ко святой церкви быть не восхищает и в раскол не запишется, и станут жить тайно, таковым чинить гражданское наказание без милосердия». Однако, несмотря на угрозы, и эта мера оказалась неэффективной в борьбе с раскольниками. Записывались в раскол лишь немногие, в основном те, кто старался использовать указ 1716 г. в своих целях, считая, что после оплаты повышенной подати они смогут спокойно пребывать в расколе и агитировать за него.

Неуспех и даже негативные для правительства последствия указа 1716 г. были признаны в постановлении 12 декабря 1726 г. В нем же предписывалось со вступающих вновь в старообрядчество людей, если они после увещевания в Синоде и его органах от этого не откажутся, брать уже не двойной, а четверной подушный оклад, т.е. вдвое больше по сравнению с платежом, установленным для старообрядцев в 1716 г.

Высокий двойной, а тем более четверной платеж было трудно выплачивать. Ввиду большого числа неплательщиков в 1722 г. было предписано, чтобы отказавшиеся внести деньги после «правежа» (те-

лесного наказания) отсылались в работу: мужчины – на галеры, а женщины – в прядильные дома.

Инаковерующих, показавших особую приверженность своим убеждениям, после телесных наказаний отправляли на каторгу. В целях усиления данной меры воздействия в 1722 г. было дано распоряжение по отсылке «на вечную работу» вновь осужденных старообрядцев не в Сибирь, а в крепость Рогервик (балтийский порт, Эстония), где условия жизни и работы были особенно тяжелыми.

В качестве мест лишения свободы для инаковерующих зачастую выступали монастыри, особенно когда осужденные были из духовного монашеского звания. Из ряда постановлений по ведомству Синода мы узнаем, что «преступники» против веры жили в монастырях в особо тяжелых условиях. Так, например, Синод распорядился в 1732 г. разослать раскольников, содержащихся в Боровском монастыре, в другие монастыри, «дабы они, раскольники, в тех монастырях содержаны были в цепях и в железах и в трудах монастырских, под крепким присмотром неисходно» и в обязательном порядке отстаивали в монастырских церквях изнурительные богослужения.

Строгая расправа с отступающими от официальных догматов веры предполагала широкое развитие системы слежки и доносов. Первыми доносчиками были священники, которые должны были не только сообщать обо всех неисповедующихся, но и уведомлять о раскольниках, о которых они узнали, и другими способами. В 1722 г. от Синода всему духовенству был разослан текст присяги, в котором говорилось о том, что священники «обязуются неотложно доносить, страшась тяжкого за неисполнение сей моей должности наказания».

Система доносов поощрялась и в среде не посвященных в духовный сан людей. Высший орган церковного управления постарался усилить слежку за старообрядцами и «богохульниками» в армии, среди солдат. По ходатайству Синода Сенат указал, «чтоб определенные командиры, как над полковыми, так и над гарнизонными солдатами и матросами, имели прилежное смотрение, дабы они ... по все годы исповедовались неотменно». За отставными служащими из рядового состава, определенными на «вечные квартиры», должны были наблюдать офицеры, губернаторы, воеводы и земские комиссары. В 1723 г. Синод добился указа, чтобы в Военной коллегии его распоряжения принимались «с послушанием и присланных (из Синода) пред

собою допускали и, по требованиям их, для взятия и сыску раскольников, обер-офицеров и солдат для посылок давали немедленно».

В первой половине XVIII в. свидетельство об отбытии в текущем году исповеди было непременно документом; для отъезжающих оно было таким же обязательным документом, как и паспорт.

По указанию любого доносчика «духовный управитель» мог вторгнуться в дом старообрядца и осмотреть все его книги и рукописи. За хранение старообрядческих сочинений полагалась «жестокая казнь».

В законодательстве первой половины XVIII в. принадлежность к антицерковным движениям приравнивалась к самым значительным политическим преступлениям. На представление Синода по вопросу о том, что делать с человеком, укрывающим раскольников или вообще потворствующим им, Петр I подписал следующую резолюцию: «... подлежит такой казни, как противник власти». Сенат и Синод неоднократно указывали на то, что дела о раскольниках должны рассматриваться как «злодейственные», что представляло особенную тяжесть для подсудимого.

Старообрядцы лишались существенных гражданских прав, в том числе права выбора на общественные должности. Браки, совершенные по правилам старообрядческого культа, не считались действительными. Наконец, за отход от официальной церкви люди подвергались прямому осмеянию: раскольникам предписывалось под угрозой большого штрафа носить нелепое одеяние; нагрудник, фerez, крашеную, с лежащим ожерельем однорядку и сермяжный зипун со стоячим клееным козырем из красного сукна. Необходимо отметить, что большинство как перечисленных, так и других тяжелых мер против старообрядцев осуществлялось как раз в то время, когда главным средством борьбы с раскольниками правительство объявило «свободные» диспуты для словесного исправления «заблудшихся».

Императрица Анна Иоанновна в 1732 г. сослала тайных раскольников в монастыри. Беспоповцам было запрещено строить часовни, а в 1735 г. вышел приказ о ликвидации старообрядческих поселений на Ветке. При Елизавете Петровне правительственные меры ужесточились еще больше. Совращение православных в раскол стало считаться государственным преступлением. Вместе с тем, несмотря на все преследования правительства, положение раскольников предоставляло им одну существенную выгоду, которую они активно использова-

ли. Как свидетельствует указ от 11 декабря 1738 г., до этого времени раскольники платили только двойной оклад, «но от прочего всего освобождены, а купечество и крестьянство, сверх положенного на них подушного платежа, по нарядам рекрут и лошадей, работников конных и пеших ставят и подводы под всякие казенные припасы дают». От всех этих повинностей раскольники были освобождены, и, кроме того, селясь на окраинах, они попадали в пределы недосягаемости для чрезвычайных повинностей вроде содержания войска и курьеров – «чрез те места полкам маршев и другим служилым людям проезда не бывает».

Положение старообрядцев было несколько улучшено в годы правления Петра III, а затем Екатерины II. В частности, Петр III позволил бежавшим за границу (в Польшу) раскольникам возвращаться в Россию и селиться в Сибири. Кроме того, он планировал выработать особое положение о староверах. Екатерина II позволила им селиться близ Тобольска в Сибири, а также в Астраханской, Оренбургской губерниях и в Белоруссии. Манифест от 3 марта 1764 г. старался привлечь поповцев в церковь, но, впрочем, снова потребовал платить двойную подушную подать, только указом от 8 ноября 1782 г. подушная подать для старообрядцев была снижена до нормальной.

«Городовое положение» 1785 г. разрешало даже выбирать староверов на городские должности, но тайные раскольники и прежде считались государственными преступниками точно так же, как и «беглые попы». Император Павел I в целом достаточно благосклонно относился к расколу. Так, указ от 28 февраля 1801 г. постановил, что раскольники, являющиеся к причастию в православные церкви, освобождаются от штрафа и должны принести лишь церковное покаяние²¹.

Указ Александра I под названием «Правила о попах и молитвенных домах» от 26 марта 1822 г. позволил поповцам принимать беглых священников, запретил закрывать часовни, однако в то же время не разрешал строить новые часовни. Подобная политика государственной власти не достигла своей цели – раскол еще более укрепился.

Перемены произошли в правление Николая I. Теперь общины раскольников стали считаться незаконными. Их центры на Преображенском и Рогожском кладбищах в Москве и других местах были поставлены под строгий надзор. В 1858 г. князь Н.А. Орлов вынужден

---

²¹ См.: ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 16. № 19743.

был в одной из своих записок признать, что при Николае I целью бюрократической политики было поставить раскольников вне общего закона и дать простор произволу. Следствием этой политики было то, что раскольники оказались во власти органов государственной администрации и обеспечивали свое существование подкупом.

Религиозная жизнь староверов также была регламентирована. Уже в 1826 г. вышел указ, чтобы все богослужения староверческих общин (беспоповцев и поповцев) совершались строго внутри поместий, т.е. в часовнях, и без участия посторонних. Староверческие таинства не признавались, и их венчания рассматривались как недействительные. В 1842 – 1846 гг. было запечатано 102 молитвенных дома, 147 разрушено, а 12 из них передано православной церкви, многочисленные церковные колокола были конфискованы. Указы 1827 и 1834 гг. отменяли «Правила» 1822 г. и запрещали принимать новых беглых священников. В 1832 г. полиция получила приказ выдавать беглых священников епархиальным архиереям для наказания. Жители старообрядческих скитов были зарегистрированы, а в 1853 г. министр внутренних дел получил указание начать закрытие скитов. Было приказано зарегистрировать всех раскольников. Целью этих репрессий было полное уничтожение раскола.

Заметим, что меры, принимавшиеся до середины XIX века против раскола, заключавшиеся в притеснении и гонении на инаковерующих, не приносили результатов, напротив, они только ожесточили и усилили его.

И.С. Аксаков, участвовавший в комиссии, имевшей целью исследование секты бегунов в Ярославской губернии, писал: “Все исследования доказывают, что раскол постоянно распространяется и усиливается, и все меры, принимаемые правительством, оказываются доселе безуспешными”²².

Об этом говорил в своих отчетах и Л.И. Мельников: “Все меры правительства против раскола не только не увенчались успехом, но число раскольников умножается”²³. Даже иностранцы, посещавшие Россию, поражались необыкновенно быстрому развитию сектантства. Так Д. Маккензи-Уоллес, проживший в России 6 лет, говорит, что он

---

²² Цит. по: Аксаков И.С. Письма из провинции. М., 1991. С. 367.

²³ Мельников П.И. Раскольничьи секты в России // Исторический вестник. 1885. № 7. С. 62.

видел большие села, в которых, по свидетельству жителей, лет 15 назад, не было ни одного раскольника, а теперь половина населения – молокане²⁴.

Бесполезность стеснений и преследований раскольников, безрезультатность прежних методов борьбы осознавалась в этот период как церковными деятелями, так и государством.

Со второй половины XIX в. отношение правительства к расколу меняется. Александр II относился к раскольникам достаточно терпимо и начал проводить политику христианского милосердия к заблуждающимся, имеющим нужду в просвещении и вразумлении.

Государственная власть осознала, что 25-летнее применение строгих и даже последовательных мер против раскольников, которые она применяла в прошлое царствование, не имело успеха и что нужно искать другие средства помимо внешнего давления и притеснения. Не могло уйти от внимания и то, что раскол расширяется от неустройства и недостатков, таящихся в самой церкви, от плохого знания пастырями сущности раскольнических учений и от несоответствующего отношения духовенства и светской власти к самим раскольникам.

Во второй половине XIX в. продолжало в различных формах существовать старообрядчество: помимо Москвы, Санкт-Петербурга, его крупными центрами были Урал, а также промышленные села Владимирской, Костромской и Ярославской губернии. Широкое распространение раскола способствовало образованию новых толков и в целом представляло собой значительную проблему для православной церкви.

Работа правительства по борьбе с раскольничеством во второй половине XIX в. шла в двух направлениях: а) усиление духовно-нравственного влияния церкви и б) подчинение раскольников общим государственным постановлениям. В первом направлении упор делался на миссионерскую деятельность, на воспитание церковных кадров, знающих и способных осуществить эту миссию, на издание духовной литературы, благотворительность, нравственно-просветительскую деятельность Русской Православной церкви.

В каждой епархии, где существовал раскол, со второй половины XIX в. обязан был находиться хотя бы один миссионер, большие обя-

---

²⁴ Россия в книге Д. Маккензи-Уоллеса // Вестник Европы. 1877. № 5. С. 317.

занности возлагались и на священников, которые являлись порой единственным миссионером в своем приходе. Во многих епархиях во второй половине XIX в. с целью ослабления раскола создавались Братства, содействующие приходскому духовенству в борьбе с расколом. Наиболее известными в Ярославской губернии миссионерскими обществами являлись “Братство св. Дмитрия” и “Ярославский Православный Миссионерский комитет”.

Во второй половине XIX в. появляются попытки улучшения положения раскольников и сектантов.

При министре внутренних дел Ланском (1855 – 1861) наступила постепенная либерализация в отношении раскола. Его “Наставление для руководства при исполнительных действиях и совещаниях по делам, до раскола относящимся” от 1858 г. предписывало прекратить преследования старообрядцев за их веру, но и запрещало им пропаганду своего вероучения. Государственным учреждениям было указано предоставить борьбу с расколом церкви, однако одновременно препятствовать созданию молитвенных домов и скитов, а также служению священников “австрийского рукоположения”. Несмотря на ограничения, “Наставление” принесло расколу некоторое облегчение, чему способствовало влияние на правительство общественного мнения 1860-х гг. Отдельные части постановления 1862 – 1864 гг. позволили старообрядцам вступать в купеческие гильдии²⁵.

В 1864 г. был учрежден особый временный комитет по раскольничьим делам, который разделил секты на 2 категории: более вредные и менее. Последним проектировалось предоставить религиозную свободу и гражданскую полноправность. В 1870 и 1873 гг. членам “менее вредных” толков раскола предоставили право занимать общественные должности.

18 апреля 1874 г. были высочайше утверждены рассмотренные в Государственном совете предложения комитета о гражданской метрической записи браков, рождения и смерти раскольников. Закон 1874 г. вводил гражданское бракосочетание, до этого невозможное в России. В соответствии с этим законом местным властям было велено

---

²⁵ Смолич И.К. Указ. соч. С. 148.

регистрировать браки раскольников, заносая их в особые книги, тем самым они признавались действительными²⁶.

При утверждении этого закона состоялось высочайше утвержденное мнение Государственного совета, которым поручено было Министерству внутренних дел дать в скорейшем времени движение остальным комитетам 1864 г.

“Император Александр III, – писал граф С.Ю. Витте в своих воспоминаниях, – относился всегда к старообрядцам в высокой степени благосклонно. Такого же воззрения и убеждения держался и поныне держится Николай II, и если все-таки при всем этом ничего не было сделано для облегчения веротерпимости к старообрядцам, то, конечно, это происходило от особливо узких воззрений их советчиков, и особливо обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева”²⁷. “Раскол, – писал К.П. Победоносцев, – созрел вследствие слабого отношения к нему властей ... ввиду такой опасности, пока еще не поздно, желательно принять со стороны государственной власти решительные меры для устранения великого народного соблазна”²⁸.

К.П. Победоносцев видел в расколе злейшего врага православия, и жаловался на недостаточную поддержку властями мер по подавлению раскола, но, несмотря на позиции К.П. Победоносцева, 3 мая 1883 г. выходит закон о раскольниках, который по сути дела приравнивал староверов к православному населению.

Согласно этому закону:

1. Старообрядцам было разрешено получать паспорта на отлучки внутри империи. Паспорта выдавались раскольникам всех сект, за исключением скопцов.

2. Всем раскольникам дозволялось проводить торговлю и промыслы с соблюдением общих по сему предмету постановлений.

3. Раскольники допускались к вступлению в иконописные цехи с разрешения МВД.

4. Раскольникам дозволялось занимать общественные должности. В том случае, когда в волости, состоявшей из православных и раскольников, волостным старейшиной ставился раскольник, помощник

---

²⁶ Рапп Е.К. Русский раскол и законодательство // Вестник Европы. 1880. Апрель – май. С. 541.

²⁷ Смолич И.К. Указ. соч. С. 148.

²⁸ Бонч-Бруевич В.Д. Избранные сочинения. М., 1956. Т. 1. С. 92.

его должен был быть из православных. Но если волостной старшина раскольник, то он не допускался к делам приходских наместничеств.

5. Раскольникам позволялось творить общественную молитву, исполнять духовные требы и совершать богослужения по их обрядам как частных домах, так и в особо предназначенных для этого зданиях, с тем лишь условием, чтобы при этом не были нарушены общие правила благочестия и общественного порядка.

6. Раскольникам позволялось исправлять и возобновлять принадлежащие им часовни и другие молитвенные здания с разрешения губернатора.

7. При погребении умерших раскольников позволялось: а) предношение иконы сопровождаемому на кладбище покойнику; б) творение на кладбище молитвы по принятым у раскольников обрядам, с пением, но без употребления церковного облачения.

8. Уставщики, наставники и другие лица, которые исполняли духовные требы, отныне не подвергались за это преследованию, за исключением тех случаев, когда они оказывались виновными в распространении своих заблуждений между православными. За наставниками и раскольниками не признавался духовный сан и сии оставались в тех сословиях, в которых находились.

Раскольникам согласно закону 1883 г. запрещалось: 1) крестные ходы и публичные процессы в церковных облачениях; 2) публичное ношение икон, за исключением случаев, предусмотренных в пунктах ст. 9 настоящего закона; 3) употребление вне домов, часовен и молитвенных зданий церковного облачения или монашеского и священского одеяния; 4) раскольничье пение на улицах и площадях²⁹.

Закон 3 мая 1883 г. вызвал неоднозначную оценку у современников. Мы встречаемся с разнообразными мнениями по вопросу о последствиях терпимости: одни находили с самого начала, что закон уменьшит ожесточение раскольников против православного духовенства, облегчит сближение их с православной церковью; другие, наоборот, считали, что он способствует увеличению и упорству раскола, побуждает сектантов к более активной пропаганде, так как поселит в них надежду на дальнейшие уступки со стороны правительственной власти. Однозначно оценить закон 1883 г. сложно, так как, несмотря на то что этот закон и прекращал дискриминацию ста-

---

²⁹ ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 3. №. 1545.

рообрядцев, но он не давал им права проповедовать свое учение. Главное, для чего закон предназначался, – это дать возможность старообрядцам выйти из тайных молелен, объявить себя, чтобы официальной церкви было легче противостоять расколу и бороться с ним. Тем не менее именно закон 1883 г. изменил статус раскольников, изменил стратегию православной церкви во второй половине XIX в. В духовной же жизни общества того времени закон можно сравнить разве что с манифестом 1861 г., недаром он вызвал такую бурную реакцию со стороны общественности³⁰.

Во второй половине XIX в. необходимость глубокого изучения раскола и потребность в знающих миссионерах побудили Святейший Синод к учреждению в академиях и семинариях миссионерских отделений. Последовательное открытие их началось с 1855 г. Отделения эти образовывались из учеников высшего курса, а также из окончивших курс воспитанников, но не получивших еще места. В курс лекций этих отделений входили: а) история раскола – его появления и распространения, б) обзор книг и рукописей, чтимых раскольниками, а также написанных в его опровержение, в) апологетика православной церкви, т.е. опровержение раскольнических учений, г) пастырская педагогика с пояснением ученикам, как они должны вести себя с раскольниками. По окончании курса учеников посылали в места, населенные раскольниками.

Большой вклад в дело развития внутренней миссии внес Санкт-Петербургский митрополит Григорий Постников. Убежденный в необходимости всестороннего изучения раскола, он настоял на открытии кафедры по изучению раскола в духовных академиях. После открытия миссионерских отделений Григорием Постниковым был составлен “Проект миссионерского образования” для этих отделений. В 1853 г. он открыл в Петербурге курсы, на которых священники из епархий обучались вести дело миссии. Он сам читал историю раскола и методологию полемики, результатом этих лекций стала книга “Истинно древняя и истинно православная Христова Церковь: изложения в отношении к глаголемому старообрядчеству” (СПб., 1854); позднее он написал миссионерскую инструкцию для духовенства.

---

³⁰ См.: Практический результат закона 3 мая 1883 г. // Вестник Европы. 1888. Кн. 3. С. 48.

Однако в связи с изменением взглядов церкви и общества на раскол в 1860-х гг. миссионерские отделения в академиях и семинариях исчезли, преподавание обличения раскола стало с 1867 г. факультативным занятием, но последовавший вскоре рост раскола оказался настолько стремительным, что снова пришлось открыть эти кафедры в семинариях.

Так, 28 июня 1886 г. вышел закон “Об открытии в духовных семинариях преподавательской кафедры по истории и обличению русского раскола и сектантства”³¹. Согласно этому закону было постановлено:

- учредить во всех Духовных семинариях самостоятельные штатные кафедры по истории и обличению русского раскола и существующих в епархиях сект (открытие этих кафедр должно было произойти в течение трех лет, начиная с 1886/87 учебного года);

- присоединить к учреждаемой кафедре однородный ей по содержанию предмет “Обличительное богословие”, а с кафедрой “Общей церковной истории и истории Российской церкви” соединить “Библейскую историю”³².

В миссионерское дело второй половины XIX в. значительное оживление внесли миссионерские съезды, бывшие в Москве в 1887, 1891 гг., в Казани в 1897 г., в Одессе в 1898 г. Особое значение имел первый съезд, выработавший правила об устройстве миссий и о способе действий миссионеров и пастырей церкви по отношению к раскольникам и сектантам, учрежденные затем Синодом в 1888 г. Согласно этим правилам:

- в каждой епархии, где имелись раскольники или последователи рационалистических сект, учреждались по мере надобности один или несколько епархиальных миссионеров для вразумления раскольников и сектантов в истинной православной вере и обличения их заблуждений;

- на должность епархиальных миссионеров должны были назначаться священнослужители, основательно знакомые с расколом и местными сектантскими лжеучениями, обладающие даром слова и вполне благонадежные по своим нравственным качествам;

---

³¹ ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 6. №. 3892.

³² Смолич И.К. Указ. соч. С. 103.

- в епархиях, где противораскольническому миссионерству предстояло действовать и против сектантов, на должность миссионера назначались лица, окончившие курс в духовных академиях или семинариях;

- епархиальные миссионеры освобождались от обязанностей приходских священников и др. по епархиальному ведомству занятий. Во время прохождения своей должности они состояли в непосредственном распоряжении местных преосвященных;

- в епархиях, где имелось два или несколько епархиальных миссионеров, епархиальные преосвященные, по ближайшему своему усмотрению, распределяли между ними занятия, обязанности. О своей деятельности миссионеры должны были доносить епархиальному преосвященству, который сведения о состоянии раскола или сект помещал в годовом по епархиям отчете, а о случаях выдающихся или требующих распоряжения высшей власти доносил Святейшему Синоду.

Независимо от епархиальных миссионеров, епархиальными преосвященными назначались еще особые или по уездам, или по благочинным округам окружные миссионеры из местных приходских священников либо из среды мирян, хорошо знакомых со Священным писанием.

Миссионеры пользовались содержанием в размере, определенном епархиальными преосвященными, по соображению с условиями труда и успехами деятельности миссионеров³³.

С учреждением епархиальных, уездных и окружных миссионерств священники отнюдь не освобождались от миссионерской деятельности. Каждый пастырь своего прихода должен был беседами и нареканиями, а также другими имеющимися в распоряжении духовенства средствами бороться с расколом и сектантством своего прихода.

Приходскому священнику вменялось в обязанность всегда участливое отношение к пастве, проведение открытых, проникнутых духом пастырской скромности беседований с заблуждающимися; устройство внебогослужебных назидательных для простого народа бесед и чтений, имеющих предметом изъяснение истин христианской веры и правил нравственной жизни. Помимо этого им в обязанности вверялось учреждение, особенно в местах, зараженных расколом, церковноприходских школ и школ грамоты; распространение в наро-

---

³³ Цит. по: Миссионерский календарь на 1902 г. СПб., 1902. С. 169.

де книг, листков и брошюр с кратким раскрытием заблуждений раскола.

Священник мог выбирать из среды прихожан людей, способных вести собеседования с раскольниками и сектантами, а также содействовать работе православной церкви. Таким образом, священник выбирал людей, которые фактически являлись помощниками священнослужителей и миссионеров.

Назначаемый в определенной местности миссионер должен был явиться прежде всего к приходскому священнику с тем, чтобы познакомиться с приходом, условиться о месте и о времени бесед. Приходскому священнику предоставлялось право их открытия (чтение молитвы, дневного Евангелия или краткой речи, объясняющей цель прибытия миссионера).

Согласно правилам об устройстве миссий и о способе действия миссионеров ведение бесед с раскольниками должно было принадлежать миссионеру, приходской священник принимал участие лишь в том случае, когда сам миссионер признавал нужным обратиться к нему за содействием. В правилах подчеркивалось, что во время собеседования миссионер должен был соблюдать “потребные проповеднику и защитнику истины душевное спокойствие, краткое обращение и снисходительное терпение”³⁴.

Такое отношение к раскольникам неоднократно подчеркивалось и в наставлениях святых “отцов” православной церкви. Так, Иоанн Златоуст в своем наставлении о том, “как врачевать заблуждающихся”, говорил: “Беседовать с ними нужно снисходительно и кратко. Их учение произошло у них от безумия, и велика надменность их ума, а воспалившиеся раны не выносят наложения руки и не терпят крепкого прикосновения”. Архимандрит Павел Прусский приводил черты истинного миссионера в своих келейных беседах, в них он тоже подчеркивал: чтобы быть миссионером, нужно много потрудиться над собой, тернист и труден путь миссионера, он требует большого терпения. “Прежде всего, побеждайте кротостью и любовью. Сами беседы миссионера должны были иметь характер не сварливый, а кроткий, христианский, не должно привлекать раскольников на беседы полицейскими мерами, ни тем паче судиться за грубые их слова. Не

---

³⁴ Миссионерский календарь на 1902 г. С. 181.

должен раздражаться миссионер при виде полноты нечестия раскольников³⁵.

Таким образом, мы видим, как менялось отношение государственной власти к раскольникам: понимая, что насилие не приносит результатов, церковь прибегает к тактике любви и милосердия к заблудшим. Это проявляется, конечно, и в методах миссионерской работы. Для содействия миссионеру в его работе согласно синодальным правилам 1888 г. в епархиях учреждались уездные, благочиннические и окружные миссионерские библиотеки, которые снабжались по возможности всеми нужными для миссионерской работы книгами, в особенности старопечатными, наиболее уважаемыми у старообрядцев. В каждом приходе должны были быть и церковные библиотеки, составленные из полного собрания полемических противораскольнических и противосектантских книг. Средства на устройство библиотек должны были изыскиваться преосвященными из местных источников, в случае же недостатка их можно было обращаться за помощью к Святейшему Синоду. Заведование миссионерскими библиотеками поручалось, по избранию и назначению преосвященных, особому лицу, не обремененному другой должностью в епархии. Это лицо должно было отвечать за сохранности библиотеки. Благочинническими библиотеками заведовал благочинный или избранное им лицо, окружными и церковными – окружные миссионеры и местные священники.

Епархиальным миссионерам предоставлялось право во всякое время под расписку брать из епархиальной библиотеки нужные им книги. Ввиду того что допускались в XIX в. различные способы присоединения старообрядцев к православной церкви, синодальными правилами 1888 г. было постановлено, чтобы такое присоединение совершалось везде по приложению к книжке митрополита Платона “Увещанию во извещение истины, или Како принимать от раскольников в соединение с православной церковью приходящих”³⁶. Издание в 1888 г. Святейшим Синодом “Правил об устройстве миссии и способах действия миссионеров и пастырей церкви по отношению к раскольникам и сектантам” показывает:

---

³⁵ Миссионерский календарь на 1902 г. С. 170.

³⁶ Там же. С. 175.

- активизация раскола и сектантства в середине XIX в. побудила правительство и православную церковь к поиску новых средств и методов борьбы и выявила неэффективность прежних. Православная церковь отходит от политики принуждения и переходит к политике убеждения;

- государство возлагало на миссионерскую работу большие надежды во второй половине XIX в. и взяло руководство внутренней миссией под свой жесткий контроль, оказывая значительную помощь миссионерству.

Со второй половины XIX в. упор делается на усиление духовно-нравственного влияния церкви, на просвещение, благотворительность, издание литературы, проведение бесед и т.д.

С 1888 г. миссионерство стало обязательным не только для епархий с раскольническим населением, но, понимая масштабность этого явления, и для каждого священника, в приходе которого были раскольники. Перед миссионерством были поставлены задачи: а) хорошо изучить историю раскола и сектантства и строго следить за возникновением новых толков и учений, уметь противостоять им; б) помочь пастырям церкви оградить православных от соращения в ересь и раскол.

Для приходских священников во второй половине XIX в. издавались специальные наставления, брошюры, отдельные статьи о том, как проводить собеседования с раскольниками. В 1880 г. издавались “Общие методические указания для ведения политических противосектантских бесед”, “Инструкции приходским священникам для борьбы с расколом и сектантством”, “Памятки миссионерам” и т.д.

В “Инструкции приходским священникам для борьбы с расколом и сектантством” подчеркивалось, что каждый приходский священник есть первый миссионер в своем приходе и обязан непрерывно вести дело миссионерское.

Миссионерская деятельность священника в приходе была двоякой: а) по отношению к православным она была направлена на ограждение их от сектантства, б) по отношению же к раскольникам – к вразумлению их.

В Инструкции подчеркивалось, что “во всякое время хорошо знать не только число заблудших чад своего прихода, но и лично знать если не каждого из них, то, во всяком случае, вожаков и руководителей и вести особую от исповедных росписей запись расколь-

ников и сектантов”. Эти росписи должны были подразделяться на две части: в первую вносились раскольники и сектанты, значащиеся таковыми от рождения, а во вторую – уклонившиеся в раскол и сектантство с указанием числа их уклонения.

Приходский священник должен был тщательно следить за всеми движениями и явлениями, происходящими в жизни сектантства в своем приходе и доводить до сведения епархиального начальства и окружного миссионера или его помощника о каждом отдельном случае “отпадения” в раскол или присоединения к православной церкви.

Священник обязан был иметь точные и верные сведения о состоянии раскольничества в своем приходе и предупреждать своих прихожан о возможном на них влиянии со стороны раскольников.

Для того чтобы оградить своих прихожан от раскола, священник должен был: 1) произносить поучения, направленные к раскрытию заблуждений местных раскольников, и разъяснять то, что составляло предмет разномыслий и лжеучений; 2) вести внебогослужебные и домашние беседы; 3) сообщать в школах на уроках Закона Божьего дополнительные сведения по истории и обличению раскола и сект; 4) распространять в народе литературу, раскрывающую заблуждения раскола и т.д.

По отношению к раскольникам и сектантам миссионерская деятельность священника заключалась в проведении частных и публичных бесед о предметах разномыслий с раскольниками, терпеливом и заботливом обращении с ними, постоянном наблюдении за ними, знакомстве их с православной литературой и творениями святых отцов церкви и т.д. О миссионерской деятельности и о всем выдающемся в жизни местного раскола священнику предлагалось вести приходскую миссионерскую летопись, которая должна была храниться как важный церковно-исторический документ.

Мы видим, какие высокие требования предъявлялись к священнику-миссионеру: он должен был хорошо знать историю различных толков и ересей в своем приходе, их особенности, слабые и сильные стороны; помимо этого, приходский священник обязан был постоянно представлять точную численность каждого толка в своем приходе и даже знать каждого лично. Для успешного ведения бесед с раскольниками и прихожанами священнику предварительно необходимо было приобрести специальные знания по полемике с расколом и сек-

тантством. Он должен был проводить точный учет раскольников и предоставлять ежегодный отчет епархиальному начальству.

Возникает вопрос о реальности исполнения постановлений приходскими священниками и их миссионерской деятельности. Обладали ли достаточными знаниями и умениями работы с раскольниками священник, достаточным количеством времени и, наконец, просто желанием? Конечно, встречались священники, которые всецело посвящали себя миссионерской деятельности, но их было очень мало. Синод вполне сознавал несостоятельность низшего духовенства и весьма малое влияние его не только на раскол, но и на свою паству – это видно из многочисленных его указов о назначении в места наибольшего распространения раскола особых благочинных для наблюдения за священниками.

Таким образом, во второй половине XIX в. появляются попытки улучшить положение раскольников и сектантов. Законодательная политика государства по отношению к староверам и сектантам смягчается на протяжении второй половины XIX в., подтверждение тому – указ 3 мая 1883 г. Раскольники получают практически те же права, что и православное население, за исключением контроля, который постоянно велся за ними со стороны властей гражданских и церковных.

С середины XIX в. правительство и церковь меняют методы и приемы в борьбе с расколом. Основное внимание обращается на миссионерскую деятельность и духовно-нравственное воспитание верующих. Отметим, что усилия государства и церкви в этом направлении не достигли своей цели.

Борьба против сект, как и борьба против раскола, велась и церковью, и государством, однако в гораздо более сложных условиях. При плохом знании учений отдельных старообрядческих общин и при недостатке сведений об их развитии причины, вызвавшие раскол, были все-таки известны приходскому духовенству настолько, что при правильном руководстве и доброй воле оно в достаточной степени было готово к полемике. Кроме того, староверы были компактно расселены в определенных областях империи, и Святейший Синод знал, какие епархии следует рассматривать как «зараженные расколом».

Напротив, разнообразие сект делало рассмотрение их учений и религиозных корней исключительно трудным делом, в каждом отдельном случае миссионер нуждался в определенных специальных знаниях, которые не всегда были ему доступны. Представления руко-

водства церкви были долгое время настолько скудными, что русские секты считались просто разновидностями раскола, и только с середины XIX в. началось специальное изучение сектантских учений.

Первой сектой, замеченной государственной властью, была хлыстовщина, которую тогда называли квакерской ересью. В 1734 г. Святейший Синод для изучения недавно возникшей квакерской ереси назначил особую Комиссию, состоявшую из архиепископа Феофана Прокоповича, архиепископа Леонида, Нижегородского митрополита Питирима и министров – графа Остермана и князя Черкасского, а также генерала Ушакова.

Из материалов процессов 1734 и 1745 гг. против «богопротивных собраний и действий» становится ясно, что судебное разбирательство проходило в Тайной канцелярии, а приговор был вынесен под председательством Ушакова; двух обвиняемых казнили, остальных разослали по монастырям. О церковной апологетике и миссионерстве среди сектантов в это время ничего не известно. П. Мельников писал о процессах 1734 и 1745 гг.: «Замечательное явление – наше духовенство в это время: оно преследует крестное знамение двумя перстами (т.е. старообрядчество) как страшную ересь, уводящую человека от Бога, и берет под свою защиту суеверные секты. Более того, даже священники позволяют себя заманивать в эту секту».

В правление Екатерины II государственная власть вынуждена была принять меры против секты скопцов, чьи призывы к самооскоплению были недопустимы с точки зрения морального здоровья народа. Императрица, склонявшаяся тогда к веротерпимости, постановила в указе от 1772 г., что при расследовании надо поступать осмотрительно и осторожно, так как «ничего нужнее не бывает, как... сохранение и безопасность множества людей... от всяких иногда невинным людям быть могущих привязок и притеснений». В случаях обнаружения сект необходимо, как пишет далее императрица, с одной стороны, пресекать столь безумные глупости при самом их возникновении, а с другой – охранять и защищать прочих людей от доносов и арестов, «мы за нужное находим здесь прибавить, чтобы вы при следствии поступали для изыскания правды без всякого истязания и самым кротчайшим образом». Выявленных членов секты следует подразделять на три категории: «1) начинщик или начинщики и те, кои других изуродовали; 2) те, кои быв уговорены, других на то приводили; 3) те простаки, кои, быв уговорены, слепо повиновались безумству настав-

ников ... Первых ... высечь кнутом и потом сошлите их в Нерчинск вечно; вторых ... велите высечь батожем и сошлите в фортификационную работу в Ригу, а третьих разошлите в прежние их жилища».

Павел I весьма осторожно и даже с интересом относился к сектантам.

При Александре I проводилась политика веротерпимости и снисхождения к сектантам, особенно к духоборцам. В своем указе от 1805 г. херсонскому губернатору император разграничил нарушения государственных законов и чисто вероисповедные заблуждения: «Не должно вмешиваться в образ их вероисповедания, предоставляя духовной власти обращение заблуждающихся, и должно подвергать взысканию собственно не за раскол, но за нарушение порядка, за явный соблазн, ежели бывает, и за покушение на оскотление себя или же другие роды увечья». Однако тайный указ в следующем году ужесточил это постановление: со скопцами следовало поступать «как с врагами человечества».

Дальнейшие указы (до 1819 г.) повелевали посылать уличенных в скопчестве на военную службу на Кавказ и в Сибирь. При Александре I в 1818 – 1823 гг. скопцов ссылали на неопределенное время в Соловецкий монастырь для церковного покаяния и обращения на путь истинный, но и там скопцы вербовали себе сторонников: офицер по фамилии Сазанович развернул в монастыре успешную пропаганду и побудил к самооскотлению некоторых заключенных (которые были приверженцами других сект). Только при Николае I государство запретило молитвенные собрания скопцов и назначило строгие наказания.

В отношении духоборцев, которые были известны еще при Екатерине II, Александр I издал указ: «Общее правило, принятое много на заблуждения сего рода, состоит в том, чтобы, не делая насилия совести и не входя в разыскания внутреннего исповедания веры, не допускать даже никаких внешних доказательств отступления от Церкви и строго запрещать всякие в сем деле соблазны не в виде ереси, но как нарушение общего благочиния и порядка». Решение императора о невмешательстве в вопросы веры парализовало и без того слабые миссионерские усилия церковных институтов.

В годы господства мистицизма в умонастроениях правящих кругов церковная миссия среди сект полностью замерла. Духоборцами продолжало заниматься лишь государство, предприняв меры, опреде-

лившие дальнейшее существование секты: под влиянием записки, поданной известным мистиком И.В. Лопухиным (1801 г.), благожелательно настроенный монарх приказал переселить духоборцев в Таврическую губернию, где они в 1802 – 1820 гг. основали ряд процветающих поселков.

Как уже отмечалось, в XIX в. правительство уделяет серьезное внимание изучению сектантов. Именно в этот период было обращено внимание на разнородность раскола. Первое различие сект и разделение их на вредные и менее вредные встречается, как выяснил П.И. Мельников, известный писатель, чиновник МВД, занимавшийся делами о расколе, не ранее 1830 г., «когда высочайше утвержденным 20 октября 1830 г. мнением Государственного совета для руководства в делах о духоборцах, иконоборцах, молоканах, иудействующих и последователей других, признанных особенно вредными ересей постановлены были правила, напечатанные в “Полном Своде законов”»³⁷.

Это отличие раскола вообще от так называемых ересей особенно вредных, для которых административный надзор усиливался и строгость юридических взысканий увеличивалась, вошло в Свод законов, а в 1845 г. и в Уголовный кодекс. Но что именно следует относить к разряду ересей, признанных особенно вредными, и что к разряду обыкновенного раскола, где граница между этими юридическими подразделениями религиозных разномыслий, законодательство практически не указывало.

П.И. Мельников отмечал, что законодательство умолчало и о том, «для кого вредны секты, признанные вредными: для церкви, или для государства, или для народа; не указало и того, в каком отношении они вредны: в политическом, или в религиозном, или по причине нарушения последователями их существующих уставов городского и земского благоустройства; не объяснено и того, в чем именно состоит вред: не предостерегло, т.о., народа от того, что само назвало вредной язвой»³⁸. Мельников написал и по поводу перечисления в законах под рубрикой вредных ересей духоборцев, молокан, иудействующих, скопцов и других. «Это выражение кратко, но значение его очень широко, – пишет он. – В 1835 г. (8 октября) вышел закон, содержащий следующие указания: “Кроме духоборцев, молокан, иконоборцев, иу-

---

³⁷ См.: Мельников П.И. Письма о расколе // Собр. соч. М., 1976. Т. 8. С. 20.

³⁸ Там же. С. 26.

действующих, должно считать особенно вредными скопцов и не молящихся за царя, и сверх того и тех раскольников, которые, по местным соображениям, будут в равной степени признаваться вредными для общества; о сих последних спрашивать каждый раз разрешения МВД, описывая обряды, мнения и правила, и означать степень вреда, от них происходящего". При незнании сущности религиозного разномыслия той или другой секты низшими исполнителями закона, произвол их делается на основании этого "и других" еще шире»³⁹. Лишь в 1842 г. в законах появилось еще одно, более лаконичное определение. Так в Продолжении Свода Законов критерием, определяющим наиболее вредные секты, служит то, что их последователи «не молятся за царя и не приемлют браков»⁴⁰, хотя эти положения тоже не определяют вероучения всех «наиболее вредных» сект.

Даже при разделении (пусть и спорном) сект и раскола законы говорят исключительно о тех ограничениях и стеснениях для раскольников вообще и в частности для некоторых «наиболее вредных» сектантов, которым воспрещается всякое внешнее проявление и обнаружение раскола. Правительство допускало в расколе лишь теоретическое религиозное учение («раскольники не преследуются за мнения их о вере»), но в то же время раскольники преследовались за практическое проявление себя в расколе. Законодательство, не делая различия между старообрядчеством и сектантством, всем раскольникам запрещало устраивать скиты, обители и т.п., запрещалось крестьянские избы обращать в публичные молельни, за чем строжайше наблюдали местные гражданские и духовные начальства⁴¹. Правда, те часовни и молельни, которые под разными наименованиями были построены до 17 сентября 1826 г., не сносили, оставляя лишь в том положении, в каком находились до издания закона (т.е. чинить их было нельзя)⁴². Таким образом, эти здания вскоре сами приходили в ветхость и делались негодными для употребления. Запрещалось также печатать и продавать раскольничьи богослужебные книги⁴³.

---

³⁹ См.: Мельников П.И. Указ. соч. С. 26.

⁴⁰ См.: Продолжение Свода законов Российской империи 1842 г. СПб., 1844. Т. 3. Ст. 80.

⁴¹ См.: Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. СПб., 1842. Т. 14. Ст. 61, 64.

⁴² Там же. Ст. 62.

⁴³ См.: Там же. Ст. 65.

Особенно жестким преследованиям подвержены были скопцы. Их, даже не уличенных в распространении своей веры, отдавали в службу в Кавказский округ или отсылали для водворения в закавказские провинции. Причем преследовались и оскопленные, и те, кто оскоплял других, одинаково. В оправдание не принималось даже то, что оскопление над человеком было произведено «во время сна, или в младенческих летах, так что он не помнит... или же насильственным образом»⁴⁴.

В отношении духоборцев было принято решение, согласно которому, предписывалось не освобождать их ни от каких государственных обязанностей, но не принуждать их только к присяге⁴⁵, что было вызвано особенностями учения духоборческой секты. Однако, несмотря на неупоминание других сект в законодательстве, любой сектант мог быть осужден, так как тот, «кто... поносит службу божию и Церковь православную и ругается св. Писанию и св. Таинству, и в том обличен будет...», подвергался лишению всех прав состояния, наказанию кнутом и ссылке в каторжные работы, которая всегда сопровождалась проставлением клейм на лице⁴⁶. К суду отсылались наставники и последователи тех ересей, которые «внушали отвращение от законных браков или разврат»⁴⁷. Это определение могло относиться к хлыстовской секте, равно как и определение ересей, соединенных с жестоким изуверством и фанатическими покушениями на жизнь свою или на жизнь других»⁴⁸. Таких сектантов отсылали к суду как убийц или намеревавшихся совершить самоубийство.

В разделах, касающихся раскола, законодательство первой половины XIX в. не упоминало многих сторон сектантства. Однако эти пробелы во многом заполняются статьями, напрямую к сектам не относящимся. Так, секта странников или бегунов противоречила законам Устава о паспортах и беглых. В силу особенностей своего учения, странник, который скитался, не имея при себе письменного документа, наказывался как за раскол, так и за бродяжничество; если он был помещичьим крестьянином, то и за побег из вотчины, а если он бежал из армии, то его судили как дезертира. Помимо того, стран-

---

⁴⁴ Свод законов Российской империи... Т. 15. Ст. 206.

⁴⁵ Там же. Т. 14. Ст. 79.

⁴⁶ Там же. Т. 15. Ст. 196.

⁴⁷ Там же. Т. 14. Ст. 86.

⁴⁸ Там же. Ст. 85.

ников наказывали и за «произношение дерзких слов против Императорского Величества»⁴⁹ и православной церкви (что было основами вероучения страннической секты). Населению запрещалось давать пристанище дезертирам, беглым, не имеющим паспорта и укрывать их. О таких необходимо было немедленно сообщать полиции⁵⁰. Таким образом, суду передавались уличенные странноприимцы секты бегунов.

Единственная статья, которая могла смягчить участь осужденных сектантов, давала им возможность избежать наказания или вернуться с мест поселения, если они обратятся к православию⁵¹. Многие сектанты воспользовались этой возможностью, хотя очевидно, что по настоящему православными они не становились. Если сектанта уличали в расколе после того, как он переходил в православную веру, прощения ему уже не давалось и он отсылался в закавказские провинции безвозвратно.

Однако, несмотря на довольно широкие возможности преследования, российское законодательство первой половины XIX в. показывает, что сектантство в то время было изучено крайне недостаточно, поэтому невозможно было выработать стройной и полной системы мер как по охранению православных от влияния раскола, так и по борьбе с ним. Для избрания же правильной и твердой системы действий в отношении раскола правительством собирались необходимые сведения о существующих сектах, их догматических учениях и внутреннем составе их общин. Это подтверждают предписания местным полициям собирать эти сведения и ознакомлять с ними МВД. Эта необходимость была осознана в XIX в. на высшем уровне власти.

25 января 1829 г. вышло постановление «О снабжении губернаторов выписками из высочайше утвержденных постановлений о раскольниках», по которому контроль за состоянием раскола становится централизованным, а сбор сведений о расколе - обязательным и организованным. Министр внутренних дел был теперь обязан «все главные правила по раскольническим делам препровождать по секрету ко всем гражданским губернаторам с предписанием, дабы руководствовались оными при возникающих сомнениях». О случаях же, законами

---

⁴⁹ См.: Свод законов Российской империи... Т. 15. Ст. 238.

⁵⁰ Там же. Т. 14. Ст. 558.

⁵¹ Там же. Т. 15. Ст. 209.

не решенных, они обязаны были советоваться непосредственно с министром внутренних дел⁵². Это служило единообразием судопроизводства, уменьшало возможность произвола на местах и позволяло выработать наиболее полное представление о явлении.

Этой же цели («для преподания более твердости и согласности принимаемым мерам против их (раскольников и сектантов) заблуждений») служило и распоряжение «Об открытии секретных совещательных комитетов по делам о раскольниках», которое предписывало «учреждать постепенно в тех губерниях, где более раскольников, секретные совещательные комитеты по делам раскольников, сектантов и отступников от православия»⁵³. В эти комитеты должны были входить епархиальный архиерей, начальник губернии, председатель палаты государственных имуществ и жандармский штаб-офицер. Комитеты должны были наряду со своей главной обязанностью – надзором за расколом – следить и за сектами. Совещания комитетов должны были оставаться в совершенной тайне.

В Ярославле такой комитет был утвержден 3 мая 1851 г. Начальник губернии все дела перед передачей их в суд должен был представить на рассмотрение этих комитетов и, согласно их постановлениям, давать делам дальнейшее движение. Те дела, по которым «обнаружено явное нарушение существующих законов, сопровождаемое вредными последствиями», должны были передаваться в МВД. Это были дела, не «подходящие под правила терпимости», изобличающие противозаконные действия, совращения православных, публичные отправления богослужений и других требований и т.п. нарушения, содержащие информацию, которая могла бы пополнить знания о расколе и, в частности, о разнообразных сектах. Эти положения были закреплены в ст. 1410 и 1415 Свода законов уголовных.

Вообще внесение постановлений о раскольниках в Свод законов вызвало споры в кругах чиновников: некоторые считали, что многие постановления должны оставаться до поры государственной тайной; кроме того, некоторые постановления должны были исполняться сразу, а иные вводиться постепенно, что вызывало невозможность вно-

---

⁵² См.: Правительственные распоряжения по делам о раскольниках при Николае и Александре // Сборник правительственных сведений о раскольниках. Лондон, 1861. Вып. 2. С. 175.

⁵³ Там же. С. 176.

свить их в Свод законов. Поэтому большинство постановлений туда внесено не было, а начальству лишь предписывалось иметь их в виду.

Дальнейшая работа по сбору сведений о сектах и расколе вообще регулировалась и Особенным временным управлением, которое учреждено государем императором при МВД и под его непосредственным руководством 10 июня 1853 г. Это управление, состоявшее «из самого малого числа чиновников», было создано для производства всех важнейших дел о раскольниках. Его члены «работали очень усердно, разбирали документы, сличали, приводили в классификацию и добирались толку в перепутанных делах о множестве разнородных лиц и учреждений»⁵⁴.

Однако все эти учреждения работали секретно, их документы были изданы в порядке административном, в виде постановлений «секретных», не подлежащих публикации в общем порядке, и самим раскольникам было совершенно невозможно узнать, что до них касалось. О законодательстве Николая I Кельсиев писал: «Система государственных тайн была доведена до отвратительно развитой степени. Как ни был плох свод законов, но даже и он не исполнял по высочайшему повелению»⁵⁵.

Политика церкви в отношении сектантов кратко была сформулирована в указе Синода от 5 апреля 1845 г., в котором предписывалось священникам-миссионерам «обращаться с ними (сектантами) отнюдь не презрительно и не враждебно, а кротко и миролюбиво и, наблюдая во всем благоразумную умеренность и осторожность, ничем не раздражать их ни в речах, ни в действиях». Кроме того, епископы должны были следить за тем, чтобы духовенство ни в коем случае не выходило за пределы собственно духовного воздействия и обращалось к местным гражданским властям только в очень важных случаях.

Между тем некоторые священники весьма энергично боролись с сектами. Так, в 30-х гг. XIX в. тамбовский епископ Арсений Москвин развернул активную деятельность против молокан или, точнее говоря, против духоборцев, которых он называл молоканами. Сначала Арсений выступал против секты в проповедях, затем он написал «Записку для священников в отношении секты молокан, отпавших от Церкви» (2-е изд. 1845). Собрание проповедей и полемических сочи-

---

⁵⁴ См.: Правительственные распоряжения ... С. 186.

⁵⁵ Там же. С. 193.

нений Арсения было издано в 1874 г. под заглавием «Объяснение литургии», где высокопреосвященный автор разобрал книгу молокан «Обряды духовных христиан» (1820). Арсений назначил священника-миссионера, позаботился об увеличении жалованья священникам в уездах, «зараженных» сектой, и добился высылки проповедников секты в Закавказье. Одновременно в Саратовской епархии епископ Иаков Вечерков в результате своей деятельности вернул в православную церковь несколько тысяч молокан.

С приходом к власти Александра II начинается новый период в отношениях правительства и раскола. Свое правление он начал словами: «Я хочу, чтобы в моем государстве царствовала терпимость»⁵⁶. В 1855 г. были закрыты особый секретный комитет и особое временное управление по делам раскольников, учрежденные Николаем I. Основная мысль высочайше утвержденной 10 июня 1853 г. системы действия по отношению к расколу состояла в том, чтобы «являть христианское милосердие к заблуждающим, имеющим нужду в просвещении и вразумлении ..., вообще же через постепенное и осторожное введение мер, изложенных в системе, подчинять раскольников общим государственным постановлениям»⁵⁷.

Борьба правительства с сектантством шла в двух направлениях: усиление духовно-нравственного влияния церкви и подчинение раскольников общим государственным постановлениям. В первом направлении упор делался на воспитание церковных кадров, миссионерскую деятельность и издание духовной литературы. В каждой епархии, где существовал раскол, должен был быть хотя бы один миссионер-священник. В некоторых епархиях с целью ослабления раскола создавались братства, содействующие приходскому духовенству в борьбе с ним. Наиболее известным было братство святого Креста в Саратове, созданное в 1866 г. Братство проводило воскресные беседы с раскольниками, распространяло духовно и нравственно воспитывающую литературу, занималось благотворительностью.

Второе направление включало сбор точной информации о расколе и усиление в местах, наиболее зараженных расколом, полицейского надзора. Но в то время как ведомство православного исповедания являлось выразителем самых суровых воззрений на раскол, ведомство

---

⁵⁶ Правительственные распоряжения ... С. 190.

⁵⁷ Там же. С. 193.

МВД, уполномоченное также следить за ним, решало дела о раскольниках более мягко, чем предписывал это формальный закон. Об этом свидетельствует хотя бы документ, найденный в фондах ГАЯО: приходский священник обращает внимание Пошехонского уездного правления на то, что в отчетах местной полиции численность раскольников занижается; и на его донесения там уведомляют, что в приходе их (раскольников) нет, хотя и оговаривается, что, по слухам, они есть»⁵⁸.

Кроме того, появляются попытки улучшения положения раскольников, и в частности сектантов. Это было связано с накоплением все большей о них информации и, как следствие, разделения сектантства на категории. Так, в 1864 г. был учрежден особый временный комитет по раскольническим делам, который разделил секты и толки на 2 категории: более вредные и менее вредные. К менее вредным и, следовательно, более терпимым отнесены были лишь одни окружники поповской секты; все же остальные многочисленные секты русского раскола и сектантства отнесены были к числу “более вредных”. Последним проектировалось предоставлять религиозную свободу и гражданскую полноправность⁵⁹. И хотя дело не сдвинулось с места из-за отпора духовного ведомства, впервые сектантам планировалось предоставлять такую свободу и права.

В связи с накоплением сведений о раскольниках и опыте борьбы с ними разграничения сектантов появляются и в самом законодательстве. Становятся различными наказания за оскорбления других и самого себя (в первом случае вместе с лишением всех прав состояния виновный приговаривался к ссылке в каторжную работу сроком на 4 – 6 лет, а во втором – ссылке на поселение)⁶⁰.

В 1875 г. при Министерстве внутренних дел была утверждена комиссия для всестороннего обсуждения мер, выработанных комитетом. Эта комиссия отвергла классификацию сект, предложенную комитетом, и, приняв точку зрения государства, нашла, что вредными сектами могут быть названы только скопцы и хлысты. Все же остальные, как фактически признающие государственный порядок и подчиняющиеся его постановлениям, признаны терпимыми в государстве.

---

⁵⁸ ГАЯО. Ф. 203. Оп. 4. Д. 1400. Л. 11.

⁵⁹ Михайлов А. По вопросу о веротерпимости к расколу // Вестник Европы. 1882. № 3. С. 78.

⁶⁰ См.: Свод законов Российской империи. СПб., 1904. Т. 15. Ст. 201.

Ввиду этого комиссия проектировала и ряд мер, клонившихся к облегчению положения русских старообрядцев и сектантов, но проекту не суждено было стать законом.

Вместе с тем, во второй половине XIX в. было прекращено переселение сектантов в Кавказский край, которое ранее широко применялось. Теперь за аналогичные проступки в качестве наказания оставалась лишь ссылка. В это время были отменены телесные наказания сектантов, также ранее широко применявшиеся. В законодательстве появилась статья, дополнявшая тезис о том, что «раскольники не преследуются за мнение их о вере...». Теперь правительство обращает внимание и на практическую сторону жизни сект, отмечая: «Наставники раскольников не подвергаются преследованию», хотя и оговаривается, что «за исключением тех случаев, когда они виновны в распространении своих заблуждений между православными и в иных преступных деяниях». Было обращено внимание на необходимость разрешения раскольникам обустройства их молитвенных домов, «с тем лишь непременным условием, чтобы не были нарушаемы общие правила благочиния и общественного порядка»⁶¹. Оговаривался даже обряд погребения умерших раскольников, для чего отводились отдельные места при общих кладбищах. Были введены и многие другие достаточно мягкие меры воздействия на сектантов.

Во второй половине XIX в. правительство наряду с перечисленными мерами использовало жесткие административные средства борьбы с сектантами. Так, большое беспокойство власти вызывало распространение штундизма (возникло под влиянием протестантизма). Штунда зародилась в Херсонской епархии в 1860-х гг., но открыто заявила о себе лишь в 1870-х гг. XIX в. За пятнадцать – двадцать лет секта разрослась и к 1890-м гг. распространилась в 6 уездах Херсонской епархии, в 7 уездах Киевской, в 3 – Волынской и др. В начале ее деятельности штундисты скрывали свои убеждения и исполняли православные обряды, но к 90-м гг. уже открыто вошли в пропаганду своего учения⁶².

Название “штунда” заимствовано от немецкого термина *Stunde*, которым назывались в XVIII в. немецкие евангельские кружки в немецких колониях. Под штундой понималось не однородное явление, а

---

⁶¹ Свод законов Российской империи. Т. 14. Ст. 46.

⁶² Крывелев И.А. История религий. М., 1988. Т. 1. С. 320.

“разнородные секты в разных местах России, соединенные официальными обличителями в одну группу по чисто внешним признакам”⁶³. “Догматика штунды представляет собой смесь религиозных положений с учениями социальными, причем нередко весьма трудно определить, верование ли служит основой социального положения, или же социальное воззрение облечено в форму верования. Пропаганда штунды шла по преимуществу среди низших классов населения, среди которых всегда находилось много горючего материала”⁶⁴.

В своем учении штундисты пропагандировали социалистические и коммунистические начала. Правительство считало эту секту наиболее распространенной и вредной. Так в 1881 г. были выработаны постановления по борьбе со штундизмом:

- ввести в семинариях курс о местных ересьях;
- распространять в народе листы против сектантства;
- усилить миссионерскую деятельность против раскола и сект.

В отчете обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева царю за 1899 г. говорилось о штунде как наиболее опасной в религиозном и политическом отношении секте. Обер-прокурор усматривал в ней не что иное, как лжеучение, которое, “дыша ненавистью к православному духовенству ... идет и против установившегося строя русской жизни и проповедует принципы вредного социалистического характера”⁶⁵.

В 1888 г. Александр III заявил, что необходимо ввести более жесткие меры для прекращения штундистской пропаганды. Но результаты были неэффективными⁶⁶.

В XIX в. одновременно со штундизмом шло распространение баптизма. Определились четыре основных района распространения: Южная Украина, Поволжье, Закавказье и Санкт-Петербург. Наряду с баптизмом в 1870-х гг. в Санкт-Петербурге возникло родственное ему сектантское образование евангелизма. Почти одновременно с баптистами и евангелистами стали вести свою пропаганду в России и адвентисты. Государственная власть относилась к сектантству как к опасному своему противнику, особенно выделяя в этом отношении баптизм и евангелизм. По отношению к последним течениям правительство и церковь приняли ряд жестких административных решений.

---

⁶³ Цит. по: Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1983. С. 384.

⁶⁴ Ярославские епархиальные ведомости. 1903. Оф. ч. С. 559.

⁶⁵ Смолич И.К. Указ. соч. С. 325.

⁶⁶ Кривелев И.А. Указ. соч. С. 325.

Таким образом, в XVIII – XIX вв. церковь и государство действовали совместно как в борьбе против старообрядчества, так и против сектантства, которые подрывали единство и авторитет Русской Православной церкви. В борьбе против этих явлений правительство и церковь использовали весь арсенал средств: от жестоких репрессивных мер до миссионерской деятельности. Однако, если борьбу против сектантства можно назвать достаточно эффективной, то, по признанию государственных чиновников и деятелей церкви, борьба против старообрядчества и к концу XIX в. не принесла желаемых результатов.

Заключение

Два века российской истории, восемнадцатый и девятнадцатый, вместили в себя целую эпоху в развитии государства и церкви и их взаимоотношений. Упрочение российского абсолютизма происходило в условиях обострения идеологического противостояния светских и духовных властей. Этот конфликт, достигший наивысшей точки в эпоху Петра I, ознаменовался победой светской власти. Упразднение патриаршества и секуляризация церковного имущества поставили церковь под контроль государства. Но и в этих условиях церковь сохранила за собой роль одного из важнейших факторов в жизни Российского государства и свое огромное влияние на общественные устроения. Эти обстоятельства побуждали правительство к проведению взвешенной, корректной политики по отношению к церкви в XIX в., что заложило основы будущего союза духовных и светских властей. Однако следует помнить, что Россия к концу XIX в. была государством многоконфессиональным. Особый статус Русской Православной церкви в этом государстве и неполноправное положение других конфессий серьезно осложняли религиозную обстановку в стране в целом.

Религиозная жизнь России в XVIII – XIX вв. была многообразной и сложной. Именно в этот период получили дальнейшее развитие старообрядчество и сектантство, которые представляли собой серьезную оппозицию ортодоксальной православной церкви. Существование этих течений было серьезным свидетельством недовольства значительной части общества официальной церковью. Духовные

искания противников традиционного православия тесно переплетались с протестом против государственных установлений, эксплуатации, социально-экономического уклада. Последнее обстоятельство делало старообрядцев и сектантов противниками не только самой церкви, но и государства. Этим объясняется тот факт, что церковь и государство объединили против них свои усилия, которые нельзя назвать в полной мере эффективными.

Таким образом, анализ развития государства, церкви и общества в XVIII – XIX вв. свидетельствует о том, что на рубеже XIX – XX вв. и перед церковью, и перед государством в области его церковной политики стояли серьезные проблемы. От возможности или невозможности их разрешения зависели не только собственно государственно-церковные отношения и состояние общества, но и развитие общественно-политической ситуации в стране в целом.

Вопросы для самоконтроля студентов

1. Датируйте Синодальный период в истории Русской Православной церкви.
2. Какие изменения внес «Духовный регламент» в систему управления церковью и ее статус в государстве?
3. Что такое Монастырский приказ?
4. Каковы функции обер-прокурора Синода?
5. Объясните содержание термина «секуляризация».
6. Объясните содержание терминов «раскол» и «раскольники».
7. Объясните содержание термина «секта».
8. Кто такие «духовные христиане»?
9. Когда стали возникать миссионерские общества и какую роль они преследовали?

Словарь терминов

АРХИЕРЕЙ – общее название высших православных священнослужителей (епископ, архиепископ, митрополит).

БЕСПОПОВЦЫ – одно из двух основных направлений в старообрядчестве. После смерти всех священников дораскольного поставления произошло принципиальное разделение всех старообрядцев на два толка. Те, кто остались вовсе без церковной иерархии, получили название беспоповцев. В XVIII в. происходило дробление беспоповцев, разделившихся на крупные направления: федосеевцы, филипповцы, поморское согласие и др.

ЕПАРХИЯ – в ряде христианских церквей один из высших санов архиереев. Глава крупной епархии, подчиненной патриарху.

ЕПАРХИАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ – средние женские учебные заведения до 1917 г.; открывались с 1843 г. в епархиях для дочерей православного духовенства и находились в ведении Синода.

ПАТРИАРХ – в церковной иерархии высшее звание, глава самостоятельной (автокефальной) церкви. Избирается церковным собором. В Русской Православной церкви в 1589 – 1703 гг., восстановлен в ноябре 1917 г.

ПОПОВЦЫ – собирательное название старообрядцев, приемлющих священство, в отличие от беспоповцев. Самое раннее и многочисленное направление в старообрядчестве.

МИТРОПОЛИТ – в ряде христианских церквей один из высших санов архиереев. Глава крупной епархии, подчиненной патриарху.

ПРИХОД – низшая церковно-административная единица, церковь с причтом и содержащая их церковная община (прихожане).

ПРИХОДСКОЕ УЧИЛИЩЕ – с 1884 г. стали называться церковно-приходскими школами. Название “приходские училища” в 1804 г. было присвоено также одногодичным начальным школам, подготовлявшим в уездные училища; в 1828 – 1864 гг. одно-, двухгодичные школы для низших слоев населения.

ПРИЧТ – штат священнослужителей (священники и дьяконы) и церковнослужителей (пономари, псаломщики дьячки, чтецы) при православной церкви.

СОГЛАСИЕ – термин не строго определенного значения, подразумевающий крупное разделение старообрядчества по вероучительным признакам на беглопоповцев, поповцев, беспоповцев. Более дробное разделение согласий зачастую называется толками, иногда эти слова воспринимаются как синонимы.

СЕКТА – религиозная группа, община, отколовшаяся от господствующей церкви.

СИНОД – один из высших государственных органов в России 1721 – 1917 гг. Ведал делами православной церкви. Возглавлял обер-прокурор, назначаемый царем.

СТАРОВЕРЫ – самоназвание беспоповцев, отвергавших более точное название "старообрядцы" из-за того, что оно введено гонителями «старой веры» – правительством Екатерины II.

ТОЛК – термин не строго определенного значения, одновременно означающий и более крупное, и более дробное, чем согласие, разделение старообрядчества по особенностям вероучения. Разделения на толки зачастую происходят в результате незначительных отличий в практике богослужения или в понимании правил и т.д.

Литература

1. Аксаков И.С. Письма из провинции. М., 1991.
2. Булыгин И.А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в. М., 1977.
3. Голубков В. Состояние раскола в Ярославской епархии и деятельность братства святителя Дмитрия // Ярославские епархиальные ведомости. 1885. Ч. неоф. № 22.
4. Грекулов Е.В. Церковь, самодержавие, народ. М., 1969.
5. Гумилевский Ф. История русской церкви в пяти периодах (988 – 1826). СПб., 1894.
6. Завьялов А. Вопрос о церковных имениях при императрице Екатерине II. СПб., 1900.
7. История христианской Церкви в XIX веке. Т. 2. Пг., Б.г.
8. Карташов А.В. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2: Очерки по истории русской церкви. М., 1992.
9. Кильчевский В. Богатства и доходы духовенства. СПб., 1908.
10. Кривелев А.И. История религий. Т. 1. М., 1988.
11. Мельников П.И. Письма о расколе // Собр. соч. М., 1976. Т. 8.
12. Мельников П.И. Раскольничьи секты в России // Исторический вестник. 1885. № 7.
13. Михайлов А. По вопросу о веротерпимости к расколу // Вестник Европы. 1882. № 3.
14. Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1983.
15. Практический результат закона 3 мая 1883 г. // Вестник Европы. 1888. № 3.
16. Рапп Е.К. Русский раскол и законодательство // Там же. 1880. № 4.
17. Римский С.В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ. М., 1999.
18. Россия в книге Д. Маккензи-Уоллеса // Вестник Европы. 1880. № 2.
19. Русское православие: вехи истории. М., 1989.
20. Семевский В.И. Крестьяне в царствование Екатерины II. СПб., 1901. Т. 2.
21. Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700 – 1917 г. М., 1996.

Оглавление

<u>Введение</u>	3
<u>ГЛАВА 1. Государственно-церковные отношения в XVIII – XIX вв.</u>	5
<u>ГЛАВА 2. Старообрядчество и сектантство</u>	30
<u>ГЛАВА 3. Борьба церкви и государства с противоцерковной оппозицией</u>	59
<u>Заключение</u>	90
<u>Вопросы для самоконтроля студентов</u>	91
<u>Словарь терминов</u>	92
<u>Литература</u>	94

Учебное издание

**Борисова Алина Владимировна
Велитченко Надежда Сергеевна
Смирнова Юлия Борисовна**

**Государство, церковь, общество в России
в XVIII – XIX вв.**

Редактор, корректор В.Н. Чулкова
Компьютерная верстка И.Н. Ивановой

Подписано в печать 16.12.2002. Формат 60x84/16.
Бумага тип. Усл. печ. л. 5,6. Уч-изд. л. 4,96.
Тираж 50 экз. Заказ .

Оригинал-макет подготовлен
редакционно-издательским отделом ЯрГУ

Отпечатано на ризографе
Ярославского государственного университета
150000 Ярославль, ул. Советская, 14.